

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 2 / 2016

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор

Бабич И.Л., д.и.н.

Луковская Д.И., д.ю.н., профессор

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор

Нижник Н.С., д.ю.н., профессор

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент

Войтенков Е.А., к.ю.н.

Зенин С.С., к.ю.н.

Клименко А.И., к.ю.н., доцент

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Террор и антитеррор: правовые аспекты

Рымарь С.В. «Американская идентичность» как угроза миру..... 3

Устинов Е.И. Роль внешнего фактора в формировании угроз этнорелигиозного характера государственной безопасности и национальным интересам современной России 7

Шариков А.Г. Правовые взгляды участников белоохранительских вооруженных формирований на Юге России в годы Гражданской войны..... 12

Право и территория: историческая ретроспектива

Берляевский Л.Г. Историко-правовая проблематика и современный кризис на Украине 16

Шобухин В.Ю. Возникновение и тенденции развития прокуратуры Свердловской области в XX веке 22

Храмцов А.Б. Динамика правонарушений в городах Западной Сибири в 1901–1914 годах 27

Юрченко Е.С. Проблема независимости Финляндии 1917–1918 гг. Внешний фактор..... 32

Медведев В.Г. Правовое регулирование отношений землевладения и землепользования на территории Вооруженных сил Юга России в годы Гражданской войны..... 37

Поляков А.И. Деятельность добровольных общественных организаций в правовой системе Советского государства во второй половине XX — начале XXI века 42

Баев В.Г., Воликова И.А. Унитаризация или федерализация? Поиск путей создания германской государственности после 1815 г. 47

Почкаев Р.Ю. Исламские институты в налоговой политике Российской империи в Средней Азии (вторая половина XIX — начало XX в.) 52

Исаев И.А. Ощущение границы и «пустое пространство» 58

Адрес редакции / издателя:
115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный)
Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1.
Физ. печ. л. — 5,0. Усл. печ. л. — 5,0.
Номер подписан в печать 19.11.2015 г.
Номер вышел в свет: 21.01.2016 г.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.
Подписной индекс: Почта России — 10866;
«Объединенный каталог» — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazety.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2
Тел. (4842) 70-03-37
Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.
Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.
Учредитель:
Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 2 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl # ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Lukovskaya D.I., doctor of juridical sciences, professor;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Nizhnik N.S., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences; professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Vojtenkov E.A., candidate of juridical sciences;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "JURIST":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "JURIST":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence
Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay
for publication of their articles.

Terror and Anti-terror: Legal Aspects

- Rymar S.V.** "The American Identity"
as a Threat to the World 3
- Ustinov E.I.** Role of the External Factor
in the Formation of Ethnoreligious Threats
to the State Security and National Interests
of Modern Russia 7
- Sharikov A.G.** Legal Views of Participants
of White Armed Forces of the South
of Russia during the Civil War 12

Law and territory: A historical retrospective view

- Berlyavskiy L.G.** Historical and Legal Problematic
and Modern Crisis in Ukraine 16
- Shobukhin V.Yu.** Establishment and Trends
of Development of the Sverdlovsk Region
Public Prosecutor's Office in the XX Century 22
- Khramtsov A.B.** Offence Dynamics in Western
Siberian Cities in 1901–1914 27
- Yurchenko E.S.** Issue of Independence of Finland
in 1917–1918. The External Factor 32
- Medvedev I.G.** Legal Regulation of Land Ownership
and Land Use Relations within the Territory
of Armed Forces of the South of Russia
during the Civil War 37
- Polyakov A.I.** Activities of Voluntary Non-Governmental
Organizations in the Soviet State Legal System
in the Second Half of the XX Century
and in the Early XXI Century 42
- Baev V.G., Volikova I.A.** Unitarization or Federalization?
Looking for Ways of the German Statehood Formation
after 1815 47
- Pochekaev R. Yu.** Islamic Institutions
in the Russian Empire Tax Policy in the Central Asia
(from the Second Half of the XIX Century
to the Early XX Century) 52
- Isaev I.A.** Sense of Border and "Empty Space" 58

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel)
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1.
Printer's sheet — 5,0.
Conventional printed sheet — 5,0.
Passed for printing 19.11.2015.
Issue was published: 21.01.2016.

Circulation 3000 copies.
Free market price.
Subscription:
Russian Post — 10866;
«United Catalogue» — 85492 (for 6 months).
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031
Tel.: (4842) 70-03-37

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor of these.

Founder:
Publishing Group "JURIST"

«Американская идентичность» как угроза миру

*Рымарь Светлана Викторовна,
заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Муромского института (филиала)
Владимирского государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент
svetlavr@mail.ru*

Работа посвящена критике либерального переосмысления таких узловых категорий для русской научной мысли, как русская нация, народность, русская идея.

Ключевые слова: нация, государство, идентичность, либерализм.

“The American Identity” as a Threat to the World

*Rymar Svetlana V.,
Head of the Socio-Humanitarian Disciplines Department
at the Murom Institute (Branch of the Vladimir State University),
Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor*

The paper is devoted to criticism of liberal rethinking such nodal categories for Russian scientific thought, as the Russian nation, nationality, Russian idea.

Key words: nation, state, identity, liberalism.

На фоне копирования американского понимания нации как последнего слова науки и мнения тех авторов, которые не признают население США за нацию в действительно научном ее понимании, показательно выглядят весьма обширные публикации самих американских авторов, например С. Хантингтона и П. Бьюконена, о судьбах американского населения и так называемой американской идентичности. Книги П.Дж. Бьюконена глубоко проанализированы В. Поповым в «Советской России» (В. Попов. Ставрогины «закрывают» Америку? // Советская Россия. 2006. 7 сентября. Отечественные записки. Выпуск № 104; 14 сентября 2006 г. Отечественные записки. Выпуск № 105; 2006. 21 сентября. Отечественные записки. Выпуск 106). Для нашей темы особый интерес представляет книга С. Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской идентичности?», своего рода энциклопедия, излагающая исторические перипетии этой «идентичности».

Конструирование «американской нации», или, как позже стали ее называть, «идентичности», началось по окончании Гражданской войны, в конце XVIII века, когда Штаты перестали быть колонией Англии. В основу «американской нации» была положена некая вера, или «американское кредо» — «порождение англо-протестантской культуры отцов-основателей» [5, с. 16]. Впервые это кредо было изложено Т. Джефферсоном и затем уточнялось в формулировках его последователей. Ключевыми элементами культуры явились англий-

ский язык, евангельские заповеди, английское представление о главенстве закона, ответственности правителей, правах человека, а также такие протестантские ценности, как индивидуализм, рабочая этика, убежденность, что люди могут создать рай на земле [5, с. 16].

Как видим, отцы-основатели с самого начала подошли к конструированию «американской нации» эклектически. В ней они скорее видели свою мечту, объединив в этом понимании совершенно различные по своей природе признаки: с одной стороны, отдельные этнические, с другой — государственные, конституционные с добавлением к тому же узаконенного расового правового неравенства и геноцида коренных жителей Америки — североамериканских индейцев. К этой искусственно, эклектически конструируемой «нации» добавилась непрекращающаяся, все усиливающаяся иммиграция со всего света переселенцев разной расовой и национальной принадлежности, с разными языками, культурой, национальными традициями, бытом и т. д. Сказались эйфория после Гражданской войны и нарождающийся агрессивный американский прагматизм. Отцы-основатели мечтали, что образовавшийся «плавильный котел» все это переварит. Спустя более полувека президент США Т. Рузвельт еще более упростил понятие «американской нации», или «идентичности», оставив такие признаки, как английский язык, политические взгляды и признаки, характерные для США, — отношение к церкви и государству. Эти признаки должны были полностью исключать какие

бы то ни было черты происхождения иммигрантов [5, с. 100].

Однако отцы-основатели и другие президенты просчитались. У истории человечества свой естественный, объективный путь формирования наций. Американская эйфория и прагматизм в этом фундаментальном вопросе дали весьма существенный по своим историческим последствиям сбой. По отечественным и европейским представлениям, существенным признаком нации здесь можно считать язык, и то с некоторыми оговорками (речь может идти об американском варианте английского языка). Другие же признаки имеют государственную, юридическую, религиозную природу.

Сам С. Хантингтон пишет, что если раньше «жители США определяли свою идентичность в терминах „раса“, „этнос“, „идеология“ и „культура“, то сегодня первые два термина практически выведены из оборота» [5, с. 16]. Сами американцы рассматривают свою страну как конгломерат рас и этносов, и те ценности, которые когда-то провозглашали отцы-основатели, утрачиваются современной Америкой [5, с. 525]. Однако и единая вера в современных США подвергается сомнению [5, с. 536].

В сущности, в американском кредо нет уже ничего национального в отечественном и европейском понимании термина «нация», используемого американцами.

К настоящему времени от так называемой американской идентичности не осталось ничего собственно национального. Разве что американский вариант английского языка, против проникновения которого в собственно английский язык борется принц Чарльз, возглавляя общество за чистоту языка бывшей метрополии. Маркерами «идентичности» остались базовые понятия либеральной демократии, легшие в основу Конституции США.

Хантингтон, пропагандист американского империализма и «американской идентичности», говорит об амбивалентности американского общества: оно одновременно «уникально» и «универсально» [5, с. 417].

Американское общество не поддерживает чувство любви у иммигрантов к нации происхождения, ее культуре и т. д. Но США, их руководство и пропаганда не поддерживают это чувство и в любой другой стране мира, считая такое чувство «эмоциями дурного тона», поскольку они противоречат универсальной американской морали. Для Хантингтона свет клином сошелся на Америке, для него не существует никакого другого опыта изучения нации и национальных отношений, кроме американского. Автор полностью игнориру-

ет европейскую науку о нации, хотя сам термин отцы-основатели первоначально заимствовали европейский и пытались, как мы видели, отыскать отдельные подходящие для него признаки. Но впоследствии этот термин стал заменяться пресловутой «американской идентичностью».

Однако Хантингтон вынужден с сожалением признать, что «люди склонны находить в политических идеологиях то глубокое эмоциональное содержание, которое порождается „кровью и почвой“, чувством принадлежности, культурой и национальностью» [5, с. 529]. Автор не вскрывает причин провала концепции «плавильного котла» и тем самым отсутствия в современной «американской идентичности» каких-либо действительно национальных признаков с точки зрения европейской и отечественной науки. Между тем описанная автором история этой «идентичности» делает, на наш взгляд, эти причины очевидными.

Как пишет автор, в соответствии с Конституцией США обретение иммигрантом «американской идентичности» предполагает три продолжительных этапа: натурализацию (получение гражданства), ассимиляцию и собственно «идентичность» [5, с. 337]. Процесс ассимиляции, т. е. приобретения собственно «американской идентичности», значительно продолжительнее. Он предполагает, по Хантингтону, почти полное изживание признаков нации происхождения и приобретение черт новой социальной общности или этноса [5, с. 380]. И лишь «в четвертом поколении этническая наследственность стремительно исчезает» [5, с. 471]. Только после этого можно говорить об обретении «американской идентичности» и иммигрант может назвать себя американцем.

Очевидно, что темпы иммиграции в США во все времена, и особенно в XX столетии (из Латинской Америки, Филиппин, Японии, Китая, Восточной Европы и других мест), существенно опережают по времени эволюцию американизации иммигрантов, предполагающую — с ее тремя этапами — значительную временную протяженность. Это противоречие в течение всей истории США, по сути дела, исключало формирование новой нации или так называемой американской идентичности.

Пустота национального содержания в «американской идентичности», ее тождество с отдельными законами Конституции США породили весьма нежелательное, по мнению автора, явление — отказ иммигрантов от гражданства и ассимиляции [5, с. 344].

Весьма распространенное в настоящее время стремление среди иммигрантов иметь два, а то и три гражданства есть отказ от ассими-

ляции и «идентичности». Возросло количество иммигрантов с двойным гражданством и двойной «идентичностью» [5, с. 322]. Хантингтон с сожалением констатирует, что «с применением практики двойного гражданства идентичность утратила свою определенность и исключительность. Американское гражданство превратилось всего-навсего в дополнение к гражданству других стран» [5, с. 334].

После описания всех перипетий в течение более чем двухсотлетней истории «американской идентичности» и ее превращения в конечном итоге в некоторые узловые положения Конституции США С. Хантингтон пишет о трех путях или возможностях «позиционирования» Америки в XXI веке. В этих подходах автор демонстрирует откровенный экспансионизм и агрессивность США на правах единственной сверхдержавы мира, основанные на «универсальности» и всеобщей легитимности «ценностей» глобальной американской либеральной демократии и морали.

Первый подход — «моралистский» — основывается на уничтожении патриотизма и национализма как «эмоций дурного тона» и на утверждении, что «международные законы, институты, договоры и нормы являются этически приоритетными по сравнению с законами, институтами и нормами национальных государств» [5, с. 417]. На основе сказанного выше все эти международные законы, институты и т. д. имеют американскую редакцию. Прогнозируемая, а вернее насаждаемая американскими политиками и учеными перспектива нивелирует нации. Пример тому подает сама «американская идентичность», которую нельзя назвать собственно нацией.

У второго подхода — имперского — цель та же, только он отличается от предыдущего своей откровенной агрессивностью, предусматривает силовое, вплоть до агрессии, внедрение американских либеральных ценностей на правах единственной сверхдержавы мира. Эта роль США более всего импонирует и автору книги С. Хантингтону [5, с. 567]. Как США преследует «зло», миру известно.

Американцы исторически так воспитаны, что им нужен враг. Колонизация Америки, формирование Штатов начались с геноцида коренных североамериканских индейцев, бесчеловечной эксплуатации рабов-негров, о чем документально, подробно описано, например в работах профессора О. Платонова. Разумеется, такое насилие над коренным населением и рабами-неграми могли осуществлять люди с психологической склонностью к агрессивности, к издевательствам над человеком. По-

строив фундамент своего благополучия на труде миллионов рабов, американцы уверовали в свою исключительность, универсальность своей «демократии» и своей идеологии.

Наличие в мире других форм государственного устройства, других наций, основанных на «эмоциональном содержании», США считают реальной угрозой своему существованию. Американский империализм нашел «национальный» и «демократический» поводы для своей агрессивности.

Историческое идеологическое наследие, действие изолированных информационных технологий существенно определяют воинственность, агрессивность сознания американцев. Враг, оказывается, необходим для существования искусственно сконструированной «нации». Потенциальным врагом остается и многонациональная Россия, к тому же имеющая и ядерное оружие.

Георгий Арбатов, долго изучавший Америку, понимал суть американской идеологии, т. е. «американской идентичности», когда говорил американскому руководству в 1987 году: «Мы осуществляем нечто, действительно ужасное для вас, — мы отбираем у вас врага» [5, с. 405]. Но и он не до конца раскусил глубину агрессивности американского империализма. Немного потребовалось времени, чтобы у США появились новые враги, которые быстро восстановили «национальную» конструкцию США. Хантингтон с убежденностью пишет: «Трагические обстоятельства 11 сентября 2001 года вернули Америке ее идентичность» [5, с. 15]. Оказывается, достаточно одного такого акта, чтобы «идентичность» восстановилась — весьма своеобразные условия существования «нации».

В третьем, так называемом национальном подходе, «Америка не может превратиться в мировую державу и остаться собой. Представители других обществ не могут стать американскими и остаться при этом прежними» [5, с. 569]. Автор здесь лукавит. Он не мыслит себе будущее мира без превращения США в абсолютную мировую державу, а всех остальных обществ — в «американские общества», потерявшие все прежние национальные качества. Америке, т. е. несостоявшемуся «плавильному котлу», и не нужно изменяться. Ведь «универсальная нация» и единственно «легитимная» идеология американской либеральной демократии, агрессивная по своей внутренней природе, остаются. Выбравшая эту идеологию страна входит в мифическое множество «американских стран», теряя свои национальные качества. Можно даже сказать,

что тем самым они приобретают такую же «идентичность», как и население США. Американский империализм эпохи глобализации добивается своей цели — управлять организованным им мировым хаосом и эксплуатировать вненациональный электорат.

Таким образом, различие трех «подходов» мнимое, поскольку каждый под разным словесным прикрытием имеет одну и ту же цель: господство над миром единственной сверхдержавы с «универсальным» государственным устройством (= либеральная демократия) и «универсальной» же идеологией — отдельными положениями американской конституции, к которой сводится, как мы убедились, современная пресловутая «американская идентичность». Америка подчиняет мир по праву сильнейшего.

Естественный путь образования нации в США с самого начала был невозможен, человеческую историю нельзя обмануть никаким прагматизмом и мифологией.

В соответствии с американским воинствующим прагматизмом и мифологизмом все возможно: можно сконструировать «американскую идентичность» в соответствии с принятой Конгрессом конституцией и, напротив, подвергнуть деконструкции другие нации согласно трем «подходам» или возможностям США как единственной мировой сверхдержавы в XXI столетии. Почему бы нет? Создать нечто подобное несостоявшемуся «плавильному котлу» Штатов только в мировом масштабе и управлять им.

Как это ни парадоксально, но длительное противостояние США и СССР в «холодной войне» скрывало назревавшие глубокие внутренние противоречия в США и существенно сдерживало их проявление. Кризис этот — национальный, внутригосударственный, имеющий глубинные исторические причины, истоки которых уходят ко времени конструирования отцами-основателями самих Соединенных Штатов. Распад СССР и объявленная либералами победа США в «холодной войне» обнаружили это опасное в перспективе глобальное противоречие теперь уже между США и остальным миром.

Во второй половине XX века стало ясно, что Америка как национальное государство не состоялась; ее население, по сути дела, вненациональное. «Плавильный котел» не смог переварить огромный конгломерат рас, наций и народностей. Между тем в мире ему противостоят национальные в своей основе государства, в том числе и западноевропейские, которые, казалось бы, по идеологии, общественной формации, государственному строю близки США.

Традиционные нации мира, национальный патриотизм и национализм — это не бо-

лее как «эмоции дурного тона», «пережитки племенного сознания». Такие оценки и характеристики мы встречаем не только в книге С. Хантингтона. Они стали общим местом в трудах американских глобалистов, оккультистов и масонов (ср., например: 2, 3, 4).

К стратегическим целям американского империализма, выражающегося в экономическом и государственном господстве в мире, прибавилась цель, обусловленная надвигающимся глубоким внутренним национальным кризисом, разрешить который США планируют путем разрушения других государств, образованных на традиционной национальной основе. Эту задачу американское руководство планирует осуществить насаждая в мире либеральную демократию, чтобы сделать из традиционных наций нечто подобное вненациональному населению США, распространить в конечном итоге «американскую идентичность» в мировом масштабе на правах сверхдержавы мира и «лучшего в мире общественно-экономического успеха».

Промежуточными ступенями в этом глобальном процессе следует видеть осуществляемые уже сейчас «европейскую» и «российскую идентичности».

Россия в национальном отношении, как уже указывалось, является антиподом США даже в нынешнем своем состоянии дикого капитализма. При официально объявленном научно несостоятельном определении нации как «гражданства» Россия фактически остается многонациональным государством, что закреплено в той же ельцинской Конституции РФ. Но Америке такая Россия не нужна. Ей требуется страна с однородной «российской идентичностью», в которой официально, конституционно должны раствориться все 150 наций и народностей Федерации, и, прежде всего русский народ. Это был бы большой шаг на пути глобализации мира, управлять которым собираются США по праву сильнейшего.

Литература

1. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание / П.И. Ковалевский. СПб., 1996.
2. Курилкина О.А. Концепция Евразийства в России: миф или реальность? / О.А. Курилкина // История государства и права. 2013. № 16. URL: <http://lawinfo.ru/>
3. Радьяр Д. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому / Д. Радьяр. М., 1995.
4. Тимофеев М.С. Идеи И.А. Ильина о сильном государстве / М.С. Тимофеев // История государства и права. 2013. № 22. С. 28–31. URL: <http://lawinfo.ru/>
5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности / С. Хантингтон. М., 2004.

Роль внешнего фактора в формировании угроз этнорелигиозного характера государственной безопасности и национальным интересам современной России

Устинов Евгений Иванович,
кандидат исторических наук
es.tinon1818@yandex.ru

В статье детально рассматриваются этноконфессиональная проблематика Северо-Кавказского региона, тактика и методы ее использования антироссийскими силами в ущерб государственной безопасности и национальным интересам России, меры повышения эффективности деятельности Следственного комитета Российской Федерации на данном направлении.

Ключевые слова: этноконфессиональные проблемы Северного Кавказа, антироссийские силы, угрозы государственной безопасности России.

Role of the External Factor in the Formation of Ethnoreligious Threats to the State Security and National Interests of Modern Russia

Ustinov Evgeniy I.,
Candidate of Historical Sciences

In this article ethno-confessional problematics of the North Caucasian region, tactics and methods of its use by anti-Russian forces to detriment of the state security and national interests of Russia, and measures of increasing efficiency of activities of the Investigation Committee of the Russian Federation in this area are considered in details.

Key words: ethno-confessional problems of the Northern Caucasus, anti-Russian forces, threats to the state security of Russia.

Распад Советского Союза послужил толчком к началу центробежных процессов и активному воздействию внешних сил по формированию этнорелигиозного экстремизма и сепаратистских тенденций, угрожающих государственной безопасности и национальным интересам России на всем постсоветском пространстве. В 90-е годы XX в. и последующий период особенно рельефно и явственно данные явления проявились в Северо-Кавказском регионе страны.

Особенность работы российских правоохранительных органов, включая Следственный комитет, на данном направлении требует высококвалифицированной подготовки сотрудников, в том числе в этноконфессиональной сфере. Данное обстоятельство имеет серьезное значение в условиях дефицита специалистов, сочетающих знания в области этнорелигиозной проблематики с умением юридически грамотно осмыслить происходящие события, а также недостатка обстоятельных и глубоких исследований о деятельности исламских радикалов в регионе.

Северный Кавказ, находящийся в зоне Каспийского и Черного морей, всегда притяги-

вал к себе внимание ведущих мировых сил, как с точки зрения имеющихся там богатых запасов углеводородов, так и с позиции выгод геополитического и геостратегического порядка, предоставляющих немало возможностей для реализации агрессивных экономических, политических и военно-стратегических планов. Развитие ситуации на Северном Кавказе, связанной с наличием сложного комплекса нерешенных вопросов межнационального и межрелигиозного характера, демонстрировало заинтересованность США, Великобритании, других участников западного блока, а также ряда стран Ближнего Востока в поддержании нестабильности этого региона России. Названные акторы активно использовали сложившуюся обстановку на Северном Кавказе для вмешательства во внутренние дела Российского государства в направлении воздействия на рост сепаратизма, экстремизма и попыток отторжения ряда северокавказских республик от Российской Федерации.

В настоящее время сохраняет свою значимость и актуальность ряд особенностей ситуации этнического характера в Северо-Кавказ-

ском регионе России. В работе следственных подразделений представляется важным учитывать следующее: принадлежащие к вайнахской группе чеченцы и ингуши в течение XIX–XX веков демонстрировали примеры не только взаимодействия и взаимопомощи двух родственных народов, но и межнационального противостояния, основной причиной которого являлись споры о принадлежности Сунженского и Малгобекского районов, входящих ныне в состав Республики Ингушетия, а также о доминировании конкретного этноса на руководящих постах. Широко известен осетино-ингушский конфликт, связанный с принадлежностью Пригородного района, входящего в состав Республики Северная Осетия — Алания. Близким к нему по степени остроты является чечено-дагестанский конфликт. В его основе лежат притязания ряда руководителей чеченских национал-сепаратистов на земли бывшего Ауховского района Чечено-Ингушской АССР (до 1944 года), ныне входящего в Новолакский и Казбековский районы Республики Дагестан. Серьезной проблемой остается чечено-русское противостояние на левом берегу Терека, где терское казачество является не просто коренным населением, но (в Шелковском районе) вообще первой группой оседлого русского населения на Северном Кавказе. Многочисленные факты антирусских проявлений, допущенных с 1991 года чеченскими националистами в этом районе при попустительстве значительной части местного чеченского населения, только усугубили межнациональное противостояние, которому сепаратисты старались придать характер и мусульманско-христианского конфликта. Существенным элементом этнической разобщенности является устойчивое, доходящее до противостояния взаимное дистанцирование в самом чеченском этносе между старожилыми равнинной части республики, с одной стороны, и горами, а также недавними переселенцами на равнину, с другой.

В ходе оценки проблематики религиозного характера на Северном Кавказе следует иметь в виду, что она носит довольно острый характер. Во многих случаях конфессиональное противостояние связано с исторически сложившимися противоречиями местных тарикатов. Так, большинство чеченцев — старожилы равнины (особенно в Надтеречном районе) принадлежат к суннитскому тарикату (направлению) Накшбандийа, а их традиционные оппоненты в борьбе за власть в республике — горцы, в значительной степени являются приверженцами тариката, Кадирийа. Помимо этого, в Чечне за 1990-е годы резко усили-

лось влияние ваххабитского течения ислама, причем ваххабиты традиционно более агрессивны в антирусской борьбе, чем сунниты. Следует отметить, что ваххабитская община полиэтнична, в то время как к суннитам относятся в основном чеченцы. Данное обстоятельство является серьезным фактором, разделяющим общую массу сепаратистов по национальному признаку, что ослабляет взаимодействие ваххабитских и суннитских незаконных вооруженных формирований в борьбе с федеральными силами.

Касаясь общих тенденций развития ситуации в Северо-Кавказском регионе, стоит отметить, что в 1990-х гг. он в значительной степени отождествлялся с Чечней, где наблюдались многочисленные проявления этнического национализма. В дальнейшем главными источниками беспокойства для российского руководства на Северном Кавказе стали Дагестан и Ингушетия¹. В последние годы в значительной мере осложнилась ситуация в Кабардино-Балкарии (КБР). В то же время на Северном Кавказе сохраняется актуальность и политизированность «черкесский вопрос», который в связи с активной причастностью к его динамике внешних сил имеет смысл подвергнуть более детальному анализу.

Как отмечает эксперт Национального института развития современной идеологии кандидат исторических наук В.А. Захаров, «черкесский вопрос» сегодня — это ситуация, сложившаяся в массе адыгского (черкесского) этноса, как в России, так и за рубежом и характеризующаяся настойчивыми требованиями предоставления адыгам особых условий и привилегий, которые приведут к достижению этнического доминирования черкесов на Западном Кавказе².

Относительно болевых точек в черкесском вопросе российский эксперт С. Маркедонов отмечал: «Общая проблема распадается на несколько. Во-первых, это земельный сюжет, усугубляющийся в контексте реформ местного самоуправления. Так, для Кабардино-Балкарии, где адыги (кабардинцы) составляют большинство, усилия по объединению балкарских населенных пунктов со столичным Нальчиком заложили конфликты, не распутанные до сих пор. Во-вторых, это вопрос

¹ См.: Маркедонов С. Год Дагестана на Кавказе // Прогноз 2006. № 1.

² См.: Захаров В.А. «Черкесский вопрос», его влияние на внутривластную стабильность и внешнюю политику России // Национальный институт развития современной идеологии. URL: <http://www.nirsi.ru/145>

о представительстве во власти. Данная тема более актуальна в Карачаево-Черкесии, где черкесы в меньшинстве. В-третьих, вопрос о репатриации адыгов на историческую родину»³.

К числу факторов напряжения между российскими властями и черкесами российские ученые А. Скаков, Н. Силаев отмечают факт создания в 2010 году Северо-Кавказского федерального округа, который административно отделил Адыгею (и Шапсугию) от остальных субъектов с черкесским участием (КБР и КЧР) и создал символическое препятствие для участия черкесов Северо-Кавказского федерального округа в мероприятиях, связанных с Олимпиадой 2014 г. Наиболее вероятно, что, играя на болезненной для федерального центра теме обеспечения безопасности Олимпийских игр, элиты черкесских субъектов федерации (Адыгея, КБР) и общественные активисты черкесских движений (Адыгея, КЧР) постараются получить от Москвы дополнительные средства на сохранение стабильности в регионе⁴.

В последние годы наибольшая активность в использовании черкесского фактора в антироссийском ключе исходила из США, Израиля и Грузии, которые пытались связать подготовку Российской Федерации к проведению в 2014 году Олимпийских игр в Сочи со 150-летием массового переселения населения Северного Кавказа на территорию Османской империи⁵.

На фоне непрекращающегося острого политического кризиса в Сирии, ряде других арабских стран, Израиле, а также на Северном Кавказе Российской Федерации отмечалось проявление разноплановой активности представителей черкесских этнических групп с целью вызвать резонанс международной общественности, привлечь внимание российских властей к решению проблемы их возвраще-

ния на родину предков и признанию «геноцида черкесов».

С наиболее явно антироссийских позиций свою деятельность осуществляла Грузия. Так, 20 мая 2011 г. парламент Грузии признал «геноцид черкесского народа».

Молодежные организации зарубежных и российских черкесов использовали свои информационные ресурсы для обращения к властям Российской Федерации с призывом принять экстренные меры по репатриации черкесов из Сирии, оказавшейся в состоянии гражданской войны.

Кроме того, в мае 2011 года новая черкесская организация «Хасэ Израиля» организовала и провела демонстрацию в районе российского посольства в Тель-Авиве с требованием «возврата нашему народу захваченных территорий». В этот же период времени глава Черкесского конгресса Израиля А. Оркиж призвал парламент страны признать «геноцид черкесского народа».

На фоне растущей актуализации «черкесской проблемы» 16 февраля 2012 г. делегация министров от фракции «Наш дом Израиль» провела рабочую встречу с представителями одной из двух находящихся в Израиле черкесских деревень для решения насущных вопросов общины. Ранее шаги подобного рода со стороны израильских властей не предпринимались⁶.

Отмеченные проявления происходили в период активизации террористической деятельности лидеров джихадистского движения на Северном Кавказе, тесно связанных с единомышленниками в арабских странах. В этой связи в феврале 2011 г. на территории Кабардино-Балкарской Республики местные руководители ФСБ России вынуждены были принять решение о введении правового режима контртеррористической операции в Эльбрусском и части территории Баксанского муниципальных районах.

Важно отметить, что организующее начало антироссийских действий с использованием «черкесского фактора» исходило из США при ведущей роли одной из мощных американских политико-информационных структур — Джеймстаунского фонда (The Jamestown Foundation)⁷.

³ См.: Маркедонов С. Беловежское наследие: проблема российского сепаратизма после распада СССР // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 6.

⁴ См.: Скаков А., Силаев Н. «Черкесский фактор» в современной политической ситуации в Кавказском регионе // Институт востоковедения РАН, Центр проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (дата обращения: 19.03.2011). URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=7716>

⁵ См.: Захаров В.А. «Черкесский вопрос», его влияние на внутривосточную стабильность и внешнюю политику России // Национальный институт развития современной идеологии. URL: <http://www.nirsi.ru/145>

⁶ См.: Информационное сообщение «Еврейского журнала» // URL: http://www.mignews.org/2012/02/blog-post_18.html

⁷ См.: The Jamestown Foundation: A News Agency Made to Measure. URL: <http://www.voltairenet.org/article30194.html>

Нынешняя нестабильная ситуация на Северном Кавказе идентифицируется в меньшей мере с проявлениями сепаратизма и в более значительной степени — с радикальным исламизмом. Фигуранты, стоящие за террористическими акциями в регионе, в большинстве случаев заявляют о необходимости не создания независимых национальных государств, а о стремлении возрождения халифата. Это позволяет говорить о переносе вектора деятельности антироссийских сил от националистического дискурса в сторону реализации сетевого исламистского проекта «Эмират Кавказ».

Отличительной чертой этого радикально-исламистского проекта является акцентирование функционеров в их деятельности на универсальных ценностях (вне этносов, вирдов, тарикатов, кланов) и эгалитаризме, противодействии коррупции и социальной несправедливости. Идеологи «чистого ислама» умело используют и психологические методы воздействия, апеллируя к слоям молодежи, лишенным возможности для карьерного роста и получения качественного образования.

Вместе с тем рост популярности исламистских настроений в основном связан не с успешными усилиями проповедников, а с распадом светских систем регулирования различных сфер жизни. В этом контексте следует отметить наблюдаемые на Северном Кавказе земельный дефицит и продолжающуюся урбанизацию. Сельские населенные пункты (особенно в горах) пустеют из-за отсутствия работы. Привычные этнические ареалы размываются, а принципы частной собственности вступают в противоречие с представлениями о собственности этнической, когда люди из «своего» этноса могут иметь преференции при доступе к имущественным и властным ресурсам на той или иной территории. Ситуация усугубляется недостаточно эффективной судебной и управленческой системой. Отсюда и апеллирование к мечети, шейхам или салафитским (ваххабитским) группам как к возможным арбитрам.

Важным обстоятельством в ходе оценки современной этнорелигиозной ситуации является наличие разногласий и неоднородность среди защитников «чистого ислама» на Северном Кавказе. У них нет единой жестко структурированной организации. Даже различные подразделения «Эмирата Кавказ» («вилаяты» и «джамааты») действуют по большей части автономно. Мотивация и степень радикализма в их рядах также различаются. Среди исламистов, помимо тех, кто уже перешел черту закона, есть и те, кто просто не готов подчиняться официальным духовным управлениям мусульман или воспринимают

«чистый ислам» как моду, увлечение. Среди участников движения есть сбившиеся с пути, дезориентированные люди⁸.

Вышеобозначенные политические, социально-экономические и этноконфессиональные проблемы на Северном Кавказе и в других регионах России активно использовались силовыми и внешнеполитическими ведомствами западных стран во главе с США, Великобританией. Повышенное заинтересованное отношение к Северному Кавказу также проявлялось у Турции, Саудовской Аравии, Иордании, Пакистана, Египта, ОАЭ.

В качестве просматриваемых целей воздействия внешних сил следует назвать: подрыв авторитета государственных российских структур и расшатывание государственных позиций в решении проблем Северного Кавказа; углубление местных этноконфессиональных противоречий; воздействие на население в плане роста исламистского самосознания; внедрение в сознание местного населения сепаратистских настроений; укрепление собственных позиций и расширение зон влияния, в том числе за счет предоставления себя в качестве «объективных» и якобы незаинтересованных арбитров, сил, способных оказать «реальную» помощь в решении северокавказских проблем; дальнейшее территориальное раздробление России.

В числе инструментов и способов по формированию этнорелигиозного экстремизма и сепаратизма, угрожающих государственной безопасности и национальным интересам России, внешними акторами использовались: дипломатические каналы; спецслужбы; международные неправительственные организации, в том числе этнического и религиозного характера; политическое и экономическое влияние; силовое давление, включая подготовку и направление террористов-боевиков; информационно-пропагандистская деятельность в сочетании с проведением сетевых атак с активным использованием проблематики этноконфессионального содержания; организация как внутри страны, так и за рубежом специальных протестных выступлений и информационных сообщений, мобилизующих представителей этнорелигиозных меньшинств в антироссийском духе.

До 2000 г. на Северном Кавказе активно действовали филиалы ряда международных

⁸ См.: Добаев И.П. Террористические исламистские организации на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 10.

неправительственных организаций, чья работа зачастую не отвечала целям благотворительных, просветительских, культурных акций. В значительной степени свою деятельность активизировали Международная исламская организация «Спасение» (МИОС), «Беневоленс интернешнл фаундейшн» (БИФ, штаб-квартира в Чикаго, США), «Джамаат Ихья Ат-Турас Аль-Ислами» (штаб-квартира в Кувейте), «Лашкар Тайба» (штаб-квартира в Пакистане), «Аль-Хайрия», «Аль-Харамейн» (штаб-квартира в Саудовской Аравии, образовательный центр в Ашлэнде, штат Огайо, США), «Катар» (штаб-квартира в Катаре), «Икраа» и «Ибрагим бен Ибрагим» (штаб-квартиры той и другой в Джидде, Саудовская Аравия) и другие. Для них характерны практически открытая пропаганда панисламистских идей, нацеленных на объединение всех мусульман региона с целью вытеснения России из Северного Кавказа, создание на его территории исламского государства, установление им тесных связей с Саудовской Аравией, Турцией, Ираном, Иорданией, Пакистаном. За активную поддержку, в том числе и финансирование исламских радикальных группировок в регионе, филиалы этих организаций по решению дагестанских судов в 1999–2000 годах были закрыты.

Заметную активность в этом регионе проявляет под контролем США и Турция, политика которой нацелена на постепенное установление собственного контроля над кавказскими территориями и вытеснение оттуда России в течение 20–50 лет.

Изложенное со всей очевидностью дает основание заключить о том, что в перспективе политическое руководство, силовые и внешнеполитические ведомства стран западной коалиции во главе с США, ряда стран Ближнего Востока и Израиля будут предпринимать дальнейшие попытки по активному использованию этнического и религиозного факторов в антироссийском духе, а именно в направлении дестабилизации положения и развала России изнутри и ослабления ее позиций на Ближнем и Среднем Востоке и в других регионах мира.

В этой связи перед подразделениями Следственного комитета Российской Федерации вырисовываются следующие кардинальные задачи:

1. Проведение тщательной и глубокой экспертной проработки дел в целях выявления истинных причин экстремизма, правильной квалификации в ходе расследования престу-

плений субъектов экстремистской деятельности, в том числе незаконных вооруженных формирований, прикрывающихся этноконфессиональными лозунгами.

2. Принятие мер к локализации и пресечению незаконной деструктивной деятельности зарубежных неправительственных организаций, специализирующихся на «северокавказской проблематике», в том числе для недопущения нецелевого использования иностранной гуманитарной помощи.

В данном контексте особое внимание следует уделять вопросам выявления незаконных источников финансирования зарубежных неправительственных организаций, каналов перевода средств на поддержку оппозиции и «независимых» СМИ в России на основе положений федерального законодательства⁹.

3. Активное участие в формировании слаженной системы взаимодействия и координации действий спецслужб и правоохранительных органов страны по противодействию проявлениям угроз экстремистского и террористического характера.

4. Проявление инициативного характера по совершенствованию правовой базы и ужесточения мер ответственности и наказания за экстремизм.

5. Принятие динамичных мер по развитию эффективного международного сотрудничества в данном направлении по линии спецслужб и правоохранительных органов.

Литература

1. Добаев И.П. Террористические исламистские организации на Северном Кавказе : влияние экзогенного фактора / И.П. Добаев // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 10.
2. Маркедонов С. Беловежское наследие : проблема российского сепаратизма после распада СССР / С. Маркедонов // *Россия в глобальной политике*. 2012. Т. 10. № 6.
3. Маркедонов С. Год Дагестана на Кавказе / С. Маркедонов // *Прогноз*. 2006. № 1.

⁹ См.: Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // СПС «КонсультантПлюс».

Правовые взгляды участников белогвардейских вооруженных формирований на Юге России в годы Гражданской войны

*Шариков Анатолий Георгиевич,
доцент кафедры теории государства и права
Пензенского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент
schari-ver@mail.ru*

В статье анализируются правовые взгляды противников советской власти на Юге России в годы Гражданской войны. Борцами за белую идею были представители военной интеллигенции. Обосновывается тот факт, что офицерство сражалось не за материальные блага. Идея их борьбы за национальную Россию была насыщена глубоким содержанием.

Ключевые слова: гражданская война, диктатура, армия, офицерство, духовность, правовая идеология, чрезвычайные законы, борьба.

Legal Views of Participants of White Armed Forces of the South of Russia during the Civil War

*Sharikov Anatoliy G.,
Assistant Professor of the State and Law Theory Department at the Penza State University,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

The article analyzes the legal opinions of the enemies of Soviet power on the South of Russia in the years of the Civil War. The fighters for the white idea were the representatives of military intelligence. The author substantiates the fact that the officers didn't fight for creature comforts. The idea of the struggle for national Russia was full of deep meaning.

Key words: the Civil War, dictatorship, army, the officers, spirit, the legal ideas, an extraordinary laws, struggle.

В теории правотворчества обычно выделяют следующие стадии законотворческого процесса: законодательная инициатива, рассмотрение проекта закона, отклонение или принятие за основу, доработка, принятие закона и введение его в действие.

Законодательная практика, однако, многообразнее и богаче теоретических представлений. Более того, в истории России существовали периоды, когда не только закон, но и даже законодатель могут быть признаны таковыми с некоторыми оговорками и уточнениями.

Именно таким периодом были годы Гражданской войны. В 1917–1922 гг. и красные, и белые, не обладая ни политической, ни тем более юридической легитимностью, устанавливали общеобязательные правила, несоблюдение которых влекло юридическую ответственность вплоть до смертной казни.

«Белая идея не раскрыта до конца и теперь. Белая идея есть само дело, действие, самая борьба с неминуемыми жертвами и подвигами. Белая идея есть преображение, выковка сильных людей в самой борьбе, в неутраченном порыве воли, в непрекращающемся

действии», — писал через десятилетия после окончания Гражданской войны в России белоэмигрант А. Туркул.¹ В целом, белой идеей именовались военная доктрина активных противников советской власти и весь комплекс законодательных и практических действий белых. Проводниками белой идеи стал особый, специфический слой русского общества — офицерство. На юге, на севере, северо-западе и востоке России была установлена военная диктатура. Переход власти от представителей гражданской администрации к военным был общей чертой развития белой власти. Член правительства генерала Деникина Б.В. Соколов вспоминал, что «русский интеллигент был преисполнен пассивностью... Находясь под гипнозом ореола генеральских погон, он уступает без сопротивления часто изумленному этой пассивностью генералу всю власть»². Даже самые высокие чиновники

¹ Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Мюнхен, 1948. С. 12.

² Голдин В.И. Белый Север 1918–1920 гг.: мемуары и документы. Архангельск, 1993. Выпуск 2. С. 356.

ки и искусственные политики времен империи оказывались совершенно беспомощными в атмосфере гражданской войны. Боясь оторваться от привычных форм и шагнуть в неизвестность, они терялись, а каждый час приносил им все новые военные и политические проблемы. Военные руководители продолжали борьбу, влияние их усиливалось.

В дореволюционном понимании офицер — это профессиональный военный. Служба в армии для него постоянное занятие. Поэтому офицерство как социально-профессиональный слой появилось не раньше, чем возникли постоянные военные формирования с устойчивой внутренней организацией. В любом случае положение офицера в русском обществе было положением дворянина. И если в конце XIX века его статус снизился, то это произошло почти в той же степени, в какой снизился в это время дворянский статус вообще. Дворянство в ходе реформ 1860–1870-х гг. утратило экономическую независимость и существовало на жалованье. Были ликвидированы и служебные привилегии дворян. Никаких преимуществ 1910-е годы XX века дворянское звание не давало. В годы Первой мировой войны 13 914 офицеров было убито и умерло от ран³. Едва ли не весь кадровый офицерский состав выбыл из строя уже в первый год войны. С дворянской и с устойчивой наследственной буржуазной идеологией в армии было покончено. По данным А. Кавтарадзе, из 70 с лишним генералов и офицеров — «отцов-основателей» белой армии только четверо обладали некоторой наследственной или приобретенной собственностью⁴.

В составе белых армий воевали выходцы из небогатых слоев населения города и деревни, учащаяся молодежь. «Когда, кто первый назвал этих подростков с винтовкой в руках, шедших по грязи в степи, в стужу, в рваных сапогах, с холщевой сумкой через плечо, белыми?» — спрашивал белоэмигрант Н. Львов.

Примкнувшие к борьбе помещики, которых в армии Деникина, например, было ничтожное количество, совершенно не воспринимали гражданскую войну войной за возврат собственности. Н. Волков-Муромцев вспоминал: «Я не знал ни одного помещика, который думал о возвращении своих поместий. Неко-

торые говорили: „Ну если вернут — вернут, это от крестьян зависит“»⁵.

Буржуазная, накопительская идеология также была чужда белым добровольцам. Созданный впоследствии В. Шишковым на натуральных дореволюционных примерах образ Прохора Громова, нещадного эксплуататора и холопа рубля, не мог импонировать борцам за белую идею.

К добровольцам большевики относились как к главным своим врагам. Они называли их кадетами, корниловцами, денкинцами. Но поняв, что называть их так — значит не вскрывать в своих врагах их сущности, стали величать их реакционерами и контрреволюционерами, словами, имеющими уже политический смысл. В название «реакционер» они вкладывали стремление к возвращению старых порядков, к водворению несправедливости, неравенству, господству одних над другими, меньшинства над большинством. Добровольцы это отвергали решительно, а реакционерами называли самих большевиков, потому что они, имея власть над всей страной, как раз и ввели все, что ими приписывалось добровольцам, у себя.

«Нет, не во имя возврата сословных или иных привилегий со своим призывом обращались вожди Добровольческой армии к русскому народу; не во имя реституции призраков прошлого будили они общественное сознание; не по своекорыстным соображениям собирались под знаменами Алексева, Корнилова и Деникина молодые энтузиасты — они шли умирать, спасая страну, они жертвовали своей жизнью за поправленные права человека, за честь и достоинство русского народа... По истинному замыслу, это была армия русской интеллигенции в широком смысле слова, а последняя никогда не защищала эгоистических интересов отдельных групп и искони служила общественной правде и справедливости... В большевизме идея органически была связана с насилием над человеком и с полным презрением к его личности. Она неизбежно должна была привести к цинически оголенной диктатуре», — говорил С.П. Мельгунов на парижском собрании памяти Деникина в 1947 г.

Что же такое свобода личности для интеллигентов, носящих военную форму? Суммируя то, что преподавалось тогда в университетах, гимназиях, школах прапорщиков, учитывая личный опыт и традиции русского общества, а также массу воспоминаний быв-

³ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 357.

⁴ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 69.

⁵ Волков-Муромцев Н.В. Офицеры российской гвардии в Белой борьбе / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2002. С. 191.

ших белогвардейцев, возможно прийти к общей трактовке.

Свобода личности есть совокупность прав человеческой личности как таковой, независимо от ее принадлежности к той или иной политической организации. Эти права неотъемлемы ни в пользу государства, ни в пользу какой-либо иной личности. Народная масса также может быть деспотичной, и поэтому необходимо принять меры для защиты личной свободы от стеснений, откуда бы они ни исходили. В содержание понятия «личная свобода» входят: 1) личная свобода в тесном смысле слова, т. е. свобода от произвольных обысков и арестов, а также свобода передвижения без разрешения начальства как в пределах территории определенного государства, так и вне его, а следовательно, и право отказываться от подданства; 2) личная собственность; 3) свобода торговли, труда и промышленности. Те виды свободы, которые касаются моральных интересов человека, таковы: 1) свобода совести; 2) свобода собраний; 3) свобода слова и печати; 4) свобода союзов и ассоциаций; 5) свобода обучения; 6) тайна почтовой корреспонденции. Ни один из этих видов свобод не может быть признан неограниченным. Свобода обучения, например, ограничивается законами об обязательном обучении, которыми государство требует от каждого гражданина, вступающего в жизнь, определенного минимума знаний. Свобода торговли ограничивается не только системой пошлин и налогов, но и надзором за ее добросовестностью. Свобода совести подвергается некоторому ограничению в том отношении, что религия не дает права совершать действия, преступные с точки зрения существующего права, или отказываться от действий, обязательных с той же точки зрения. Признается необходимым, чтобы ограничения налагались не иначе как на основании закона и чтобы у каждого гражданина была возможность законным путем бороться за изменение этих границ в желательном для него направлении.

Для сторонников Учредительного собрания незаконным и ущемляющим свободу личности был факт его роспуска 6 января 1918 г. Монархисты считали попранием свободы личности нелегитимное устранение самодержца.

Уже в самый начальный период Февральской революции гнев толпы был направлен на офицеров. Офицерство вызов приняло, но борьбу не могло вести не в правовом поле.

«Была Россия государством правовым в общеевропейском смысле этого слова. Ее законы охраняли жизнь, свободу, неприкосно-

венность и благосостояние ее граждан. Все это, а также и нравственно-христианскую атмосферу, в которой мы выросли и которую охранял наш закон, мы считали вполне естественным и нормальным и поэтому крушение нашей государственности восприняли как нечто недопустимое и преступное», — писал белогвардеец А. Слизской. Офицерству рухнувший строй был дорог не потому, что он давал им какие-либо материальные блага и преимущества, а потому, что он был источником благородства, чести, славы, достоинства и всего того, что делает жизнь содержательной, насыщенной духовной красотой. Для добровольцев идея борьбы за национальную Россию была наполнена глубоким содержанием. В ней не было ничего реакционного. Даже в те времена, когда создавалась Добровольческая армия, уже было ясно, что возврат к старому невозможен.

Проводимая главнокомандующим Деникиным политика «непредрешения» была сообразна представлению большинства интеллигенции России о справедливости государственного строительства. Она была более чутка к новым условиям послереволюционной России. «Мы совершенно искренне стояли на точке зрения более полного непредрешения государственного строя. Я говорил об этом открыто всегда. Я работаю над освобождением России. Форма правления для меня вопрос второстепенный... И поверьте, все наши предрешения праздны. Народ сам скажет, чего он хочет, и скажет с такой силой и с таким единодушием, что всем нам, большим и малым законодателям, придется только преклониться перед его волей»⁶. К.Н. Соколов: «В генерале Деникине я увидел не Наполеона, не героя, не вождя, но простого, честно-го, стойкого и доблестного человека, одного из тех, „добрых“ русских людей, которые, если верить Ключевскому, вывели Россию из Смутного времени»⁷.

Элементы политики «непредрешения» были следующие. Установление порядка. Восстановление производительных сил страны и народного хозяйства. Вопрос о форме правления — дело будущего. Русский народ создаст верховную власть без давления и без навязывания. Единение с народом. Внешняя политика — только национальная русская. Славян-

⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1925. Т. 3: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май — октябрь 1918 года. С. 133.

⁷ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина: из воспоминаний. София, 1921. С. 40–41.

ское единение. За помощь — ни пяди русской земли. Всемерное обеспечение семейств бойцов. Усилить собственное производство. Извлечь из состоятельного населения обмундирование и снабжение войск. Проявление заботливости обо всем населении без различия. Карать беспощадно за бесплатные реквизиции и хищение «военной добычи». Общественным организациям, направленным к развитию народного хозяйства и улучшению экономических условий, содействовать. Никаких классовых привилегий, никакой преимущественной поддержки — административной, финансовой или моральной. Назначение на службу — исключительно по признакам деловым, отметая изуверов и справа, и слева. Налоговый пресс главным образом для состоятельных, а также для не несущих воинской повинности. Облегчить положение служивого элемента и семейств чинов, находящихся на фронте, частичным переводом на натуральное довольствие. Содержание не должно быть меньше прожиточного минимума.

В условиях гражданской войны, которая, по мнению белых, была прямым продолжением войны мировой, использовались чрезвычайные законы военного времени типа «Положения о полевом управлении войск», «Правил о местностях, объявленных на военном положении» и пр. Это были записанные и опубликованные правила, за нарушение которых применялись суровые санкции (по отношению к властям тоже): Военная диктатура. Всякое давление политических партий отметить, всякое противодействие власти — и справа, и слева — карать. Невзирая на возникающие иногда колебания в русском вопросе у союзников, — идти с ними. Ибо другая комбинация морально недопустима и реально неосуществима. Прессе сочувствующей помогать, несогласную терпеть, разрушающую — уничтожать. Суровыми мерами за бунт, руководство анархическими течениями, спекуляцию, грабеж, взяточничество, дезертирство и прочие смертные грехи не пугать только, а осуществлять их при посредстве активного вмешательства Управления юстиции, Главного военного прокурора, Управления внутренних дел и контроля. Смертная казнь — наиболее соответствующее наказание.

Противная же сторона после опубликования Декрета о суде № 1 и в дальнейшем, как правило, руководствовалась лишь революционным правосознанием.

В ходе крупномасштабных боевых действий 1918–1919 гг. к белой борьбе примкнули тысячи. Среди них было много чужеродно-

го элемента. Стали ставить в строй пленных красноармейцев, объявили мобилизацию. Росло ожесточение. Привыкшая за четыре года убивать рука не знала пощады в ходе боя. Гражданская война довершила тот психологический процесс, который только наметила война на фронте. «Много было людей, исковерканных, изломанных жизнью, потерявших близких или оставивших семью без куска хлеба там, где-то далеко, на производ бушующего красного безумия. Не они создавали основной облик армии, но их психология должна быть учтена теми в особенности, кто на крестном пути добровольцев склонен видеть только мрачные тени. Большевики с самого начала определили характер гражданской войны. Истребление»⁸. Из речи С.П. Мельгунова: «А живо в своей основе сопоставление красного и белого террора применительно к гражданской войне в России — сопоставление разнуданных эксцессов и актов взбудораженной мести с кровавой теоретической проповедью насилия. Когда из уст Деникина или Колчака вышло слово насилия? Мы знаем, как морально мучился бурно-пламенный верховный правитель от того, что делалось кругом. Страдал и благородный Деникин. Троцкий и его присные не страдали — они гордились идейным палачеством и воспевали его»⁹.

Русский офицер, с точки зрения идеологов новой власти, был просто преступником. Поэтому в конечном итоге трагической части не избежали ни те, кто после революции ушел от борьбы, отрекся от прошлого и профессии, ни те, кто все же пошел на службу к большевикам. Всем им в подавляющем большинстве пришлось разделить судьбу жертв 1917–1922 гг. только потому, что они носили погоны и были опорой российской государственности. После Гражданской войны начались их аресты и расстрелы. В ходе таких кампаний («офицерских призывов») к началу 1930-х гг. с бывшими офицерами в основном было покончено.

Литература

1. Богославский Е.А., Кулаков В.В. Структура государственного устройства Юга России в 1918–1920 гг. / Е.А. Богославский, В.В. Кулаков // История государства и права. 2013. № 16.
2. Волков С.В. Русский офицерский корпус / С.В. Волков. М., 1993.

⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1922. Т. 2: Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. С. 207.

⁹ Грей М. Мой отец генерал Деникин. М., 2003. С. 307–308.

3. Волков-Муромцев Н.В. Офицеры российской гвардии в Белой борьбе / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2002.
 4. Голдин В.И. Белый Север 1918–1920 гг. : мемуары и документы / В.И. Голдин. Архангельск, 1993. Выпуск 2.
 5. Грей М. Мой отец генерал Деникин / М. Грей. М., 2003.
 6. Деникин А.И. Очерки русской смуты / А.И. Деникин. Париж, 1922. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г.
 7. Деникин А.И. Очерки русской смуты / А.И. Деникин. Берлин, 1925. Т. 3: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май — октябрь 1918 г.
 8. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. / А.Г. Кавтарадзе. М., 1988.
 9. Никитин А.Н. Законотворчество в белой России (1918–1920) : общее и особенное / А.Н. Никитин // История государства и права. 2006. № 7.
 10. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина : из воспоминаний / К.Н. Соколов. София, 1921.
 11. Туркул А.В. Дроздовцы в огне / А.В. Туркул. Мюнхен, 1948.
-

Историко-правовая проблематика и современный кризис на Украине

*Берлявский Леонид Гарриевич,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Ростовского государственного экономического университета «РИНХ»,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук
berleonid1@gmail.com*

Историко-правовая проблематика занимает значительное место в украинском кризисе. Обоснование суверенных прав современной Украины зачастую сводилось к возрождению концепций националистической, русофобской направленности. Изучение советского периода развития Украины велось главным образом с субъективистских позиций при отказе от принципа историзма. На государственном уровне утверждалась необоснованная терпимость к фашистской идеологии украинских националистов из ОУН-УПА.

Ключевые слова: история государства и права, украинский кризис, ОУН-УПА, националисты, военные преступники, легитимность.

Historical and Legal Problematic and Modern Crisis in Ukraine

*Berlyavskiy Leonid G.,
Professor of the Constitutional and Municipal Law Department
at the Rostov State University of Economics (RSUE),
Doctor of History, Candidate of Legal Sciences*

The historical and legal problems occupy an important place in the Ukrainian crisis. The justification of the sovereign rights of modern Ukraine was frequently reduced to revival of concepts nationalist, Russophobia orientations. Studying of the Soviet period of Ukraine development was led mainly from subjective positions at refusal of the historicism principle. At the state level the unreasonable tolerance to fascist ideology of the Ukrainian nationalists from OUN-UPA affirmed.

Key words: state and legal history, Ukrainian crisis, OUN-UPA, nationalists, war criminals, legitimacy.

Историко-правовая проблематика стала одним из важнейших аспектов нынешнего кризиса на Украине и вокруг нее. В частности, 4 марта 2014 г. постоянный представитель Украины при ООН Ю. Сергеев публично оправдал украинских националистов, заявив, что представленные СССР на Нюрнбергском

процессе обвинения в их адрес были сфальсифицированы: «Российская — советская сторона в то время пыталась надавить на западных союзников, чтобы они признали бандеровцев и других убийцами. Почему Нюрнбергский процесс не признал это? Потому что факты были сфальсифицированы, потому что

позиция Советского Союза в то время была несправедливой»¹.

Министерство иностранных дел Российской Федерации заявило, что «подобным высказыванием официальный представитель Украины оскорбил память жертв Второй мировой войны, русских, украинцев, евреев, поляков, граждан других национальностей, ставших жертвами зверств, которые чинили пособники фашистов из числа украинских националистов». МИД РФ опубликовал серию документов Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР за 1942–1945 годы, относящихся к деятельности украинских националистов в период Великой Отечественной войны. В документах представлены свидетельские показания, в которых идет речь о сотрудничестве членов ОУН-УПА с немецко-фашистскими захватчиками, а также об их участии в массовых казнях мирного населения².

Нынешний нелегитимный украинский режим, пришедший к власти путем государственного переворота, поставил своей задачей пересмотр итогов Второй мировой войны, реабилитацию военных преступников — бандеровцев, ревизию всей истории государственно-правового развития Украины с националистических позиций, нарушение прав русскоязычного населения.

В этом плане показателен имеющий официальный статус «Отчет рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА. Основные тезисы по проблеме ОУН-УПА (историческое заключение)»³. Авторы отчета ссылаются на Дж. Армстронга, согласно которому «интегральный национализм» ОУН характеризуется следующими признаками:

— вера в то, что нация является наивысшей ценностью, которой должны быть подчинены все другие ценности;

— обращение к мистической идее единства всех лиц, которые составляют нацию;

— подчинение рационального, аналитического мышления «интуитивно правильным» эмоциям;

— существование харизматичного лидера, который является воплощением «воли нации»;

— культ действия, войны и насилия как выражения биологической жизнеспособности нации⁴.

Несмотря на предпринятые усилия всячески оправдать ОУН-УПА, авторы были вынуждены признать, что «в идеологии, мировоззрении и политической практике ОУН присутствовал ряд элементов, которые роднили ее с радикальными и тоталитарными движениями и режимами, прежде всего, с итальянским фашизмом и национал-социализмом»⁵. С положениями и выводами «Отчета» созвучен значительный массив сочинений по истории ОУН-УПА, вышедших из-под пера украинских авторов⁶.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ См.: Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Історичні нариси / НАН України; Інститут історії України / відп. ред. С.В. Кульчицький. К.: Наукова думка, 2005; Проблема ОУН-УПА: Попередня історична довідка / відп. ред. С.В. Кульчицький. К.: Ін-т історії України НАН України, 2000; Лисенко О.Є., Марущенко О.В. Організація Українських Націоналістів та Українська Повстанська Армія: Бібліогр. покажч. публ. 1998–2002. К.: Ін-т історії України НАН України, 2002; Касьянов Г.В. До питання про ідеологію Організації українських націоналістів (ОУН): Аналіт. огляд / НАН України. Інститут історії України. К.: Ін-т історії України НАН України, 2003; Деревінський В. Ставлення ОУН(Б) і УПА до сусідніх народів та національних меншин. НАН України. Інститут історії України. К.: Ін-т історії України НАН України, 2006; ОУН в 1942 році: Документи. К.: Ін-т історії України НАН України, 2006; Ільющин І.І. Протистояння УПА і АК (Армії Крайової) в роки Другої Світової війни на тлі діяльності польського підпілля в Західній Україні / відп. ред. С. В. Кульчицький. НАН України. Інститут історії України. К.: Інститут історії України, 2001; ОУН і УПА в 1944 році: Документи. В 2 ч. Ч. 1. Упорядники: О. Веселова, С. Кокін, О. Лисенко, В. Сергійчук. Відп. ред. С. Кульчицький / НАН України. Інститут історії України. К.: Інститут історії України, 2009; ОУН і УПА в 1944 році: Документи. В 2 ч. Ч. 2. Упорядники: О. Веселова, С. Кокін, О. Лисенко, В. Сергійчук. Відп. ред. С. Кульчицький / НАН України. Інститут історії України. К.: Інститут історії України, 2009; Літопис УПА. Нова серія. Т.1. Видання Головного

¹ URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1018998>

² URL: <http://itar-tass.com/politika/1023447>

³ Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Фаховий висновок робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА / НАН України; Інститут історії України. К.: Наукова думка, 2005.

Подвергнув аргументированной критике «Отчет», канадский политолог В. Полищук пришел к выводу, что существует необходимость отвергнуть всяческие старания признать ОУН-УПА воюющей стороной, одновременно существует необходимость однозначно осудить ОУН Бандеры (и ОУН Мельника) как сугубо фашистское идеологически-политическое движение, ОУН Бандеры как организатора преступных формирований — УПА, «Службы безопасности», Полевой жандармерии, так называемых самооборонных кустовых отделов, как краевых, районных и других руководств ОУН Бандеры — до станичных включительно. Осудить ОУН Бандеры и ее формирования должна в первую очередь Верховная Рада Украины как ее высший законодательный орган⁷.

Кроме того, выводы «Отчета» противоречат общеизвестным историческим фактам. Автор «Энциклопедии органов внутренних дел и государственной безопасности Украины» известный украинский историк-правовед А.С. Чайковский на основании анализа значительного массива источников пришел к выводу, что «на протяжении второй половины 1944 — первой половины 1945 г. на территории западных областей было совершено

5110 террористических актов и вооруженных нападений, жертвами которых стали 12 тысяч человек, преимущественно мирные жители. В основу "народного сопротивления" ОУН положила жестокий террор. Несчастным отрезали головы, на телах вырезали звезды, разрезали животы, отрезали половые органы, палили на кострах, совершали иные зверства. Накал братоубийственной войны не уменьшился и после капитуляции Третьего рейха»⁸.

В опубликованной под эгидой Национальной Академии Наук Украины многотомной «Энциклопедии истории Украины» утверждается, что «фамилия Бандеры является символом украинского национально-освободительного движения 1930–1950-х годов»⁹.

Подобные «исторические изыскания» вызывают тревогу в сопредельных с Украиной государствах. В зарегистрированном 11 апреля 2013 г. проекте постановления сейма Польши о признании ОУН-УПА преступными организациями, совершившими геноцид в отношении польского населения так называемых восточных польских земель (кресов) в 1939–1947 гг., констатировалось, что «на протяжении последних лет наблюдалось небывалое развитие в Западной Украине культа Степана Бандеры и Украинской Повстанческой Армии». При полном молчании власти в Киеве и Варшаве в украинских городах появляются памятники Степану Бандере и другим руководителям ОУН, их именами называют улицы и площади, проходят марши, которые прославляют «героизм» УПА, издаются публикации, которые отрицают участие УПА в убийствах поляков. Систематически, при немногочисленных исключениях, на территории Украины блокируются попытки увековечения жертв террора УПА.

Обеспокоенность в Польше вызвала растущая на украинской политической сцене роль партии «Свобода», которая прямо навязывает идеологию и традиции ОУН-УПА. Эта идеология, сформированная Дмитрием Донцовым в книге «Национализм», является примером крайнего расизма и шовинизма, культа насилия в отношении других народов, а также отвержения всех моральных принципов. Политические концепции, выросшие на ней, принесли геноцид, совершенный в

Командування УПА / НАН України. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського; Видавництво «Літопис УПА» та ін. Київ-Торонто, 1995; Літопис УПА. Нова серія. Т.2. Волинь і Полісся: УПА та запілля 1943–1944 / НАН України. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського; Видавництво «Літопис УПА» та ін. Київ-Торонто, 1999; Літопис УПА. Нова серія. Т. 3. Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: директивні документи ЦК Компартії України / НАН України. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського; Видавництво «Літопис УПА» та ін. Київ-Торонто, 2001; Польсько-українські стосунки в 1942–1947 роках у документах ОУН та УПА: у 2 т. Т. 1: Війна під час війни. 1942–1945. / відп. ред. та упоряд. В.М. В'ятрович. Львівський національний університет імені Івана Франка; Центр досліджень визвольного руху. Львів: Центр досліджень визвольного руху, 2011; та ін.

⁷ Полищук В. Гора родила мышь. Бандеровскую: критика «Отчета рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА. Основные тезисы по проблеме ОУН-УПА (исторический вывод)». Киев, 2006. С. 84.

⁸ Чайковский А.С. Айсберг. 3 історії органів внутрішніх справ і державної безпеки України. К.: Парламентське видавництво, 2013. С. 487.

⁹ Енциклопедія історії України: Т. 1: А–В / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. К.: Наукова думка, 2003. С. 177.

1939–1947 годах по отношению к польскому населению Волыни и Восточной Малопольши, а также территориальные претензии в отношении Польши в ее сегодняшних границах. «Молчание о преступных традициях ООН-УПА, а также деятельность ее наследников является проявлением близорукости и позволяет распространение лжи»¹⁰.

Что касается изучения и освещения иных периодов истории государства и права Украины, то к ним применимы выводы, приведенные в докладе «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств», о том что националистическая историография характеризуется следующими составляющими:

а) утверждение о необычайной древности, если не исконности, своих этнической культуры и языка в целом и на занимаемой ныне территории в особенности (миф об автохтонности);

б) стремление проецировать современные этнополитические границы как можно глубже в прошлое и насколько это возможно максимально расширять территорию древнего расселения своей этнической группы, что также имеет отношение к борьбе за землю (миф о прародине);

в) безусловная идентификация своей этнической группы с вполне определенным языком, который был якобы присущ ей изначально (миф о лингвистической преемственности);

г) убеждение в том, что территория своего этноса была областью формирования не только его самого, но и иных родственных или «дочерних» этнических групп, которые позднее отселились на другие земли (миф об «этнической семье»). Тем самым свой этнос рассматривается по отношению к ним в качестве «старшего брата», что, следовательно, позволяет ему претендовать на важные привилегии и делает эти претензии естественными и законными;

д) стремление идентифицировать своих этнических предков с каким-либо славным народом, хорошо известным по древним письменным или фольклорным источникам (миф о славных предках);

е) претензии на исторический приоритет некоторых культурных (письменность) или политических (государственность) достижений своих предков по сравнению с предками соседних народов (миф о культуртрегерстве);

ж) преувеличение степени этнической консолидации в древности и сознательный недоучет роли родоплеменных делений и многокомпонентности формирующейся общности (миф об этнической однородности);

з) нередко конструируется образ иноземного врага, борьба с которым цементирует этнос и ведет к высокой степени консолидации (миф о заклятом враге)¹¹.

Так, в современных украинских учебниках последнего 20-летия излагается схема М.С. Грушевского, ключевым моментом которой является отрицание древнерусской народности и утверждение о параллельном существовании двух народностей: «украинско-русской» и «великорусской». Соответственно, по Грушевскому, Киевская держава — государство «украинско-русской», а Владимиро-Суздальская — «великорусской» народностей. Киевский период истории «украинско-русской народности» постепенно переходит в Галицко-Волынский и затем Литовско-польский, а Владимиро-Суздальский период истории «великорусской народности» — в Московский. Для обозначения Киевской Руси М.С. Грушевским был введен искусственный термин «Украина-Русь» — гибрид, созданный им в политических целях именно для оправдания смены этнонима при конструировании новой, украинской, идентичности в конце XIX — начале XX в. В настоящее время «История Украины-Руси» Грушевского определена Министерством образования и науки Украины как «метрика украинского народа»¹².

Оценивая Переяславскую раду 1654 г., украинские историки государства и права исходят из того, что «официальная советская теория утверждает, что Переяславский договор стал кульминационным пунктом вековых желаний украинцев и россиян к воссоединению, целью восстания было именно воссоединение народов... Украина вошла в подданство под протекцию вследствие тогдашней военно-политической ситуации. Россия же изначально имела намерение преобразовать протекторат в инкорпорацию (включение в состав)»¹³.

Образование в марте 1917 г. Центральной Рады считается исходной точкой процесса возрождения украинской государствен-

¹⁰ URL: <http://rus.newsru.ua/ukraine/22apr2013/svopres.html>

¹¹ Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / А.А. Данилов, А.В. Филиппов [и др.]. М., 2009. С. 15–16.

¹² Там же. С. 27, 28, 31.

¹³ Иванов В.М. Історія держави і права України: навч. посіб. Київ, 2002. Ч. 1. С. 87.

ности в XX веке. Вместе с тем, как считает профессор Одесской национальной юридической академии П.П. Музыченко, период Центральной Рады продемонстрировал сильные и слабые стороны государственного строительства. К первым отнесены решительность, с которой строилось государство, влияние на этот процесс национального возрождения, ориентация на социальную политику. «Ко вторым — отсутствие необходимого опыта государственного строительства, утопически-социалистическая ориентация руководства Центральной Рады, возражения необходимости формирования украинских вооруженных сил, непоследовательность формирования системы местного самоуправления, отсутствие обратной связи с широкими народными массами. М. Грушевский и его соратники не смогли найти правильного пути развития, что в итоге определило и их личную судьбу, и судьбу украинской государственности»¹⁴.

Подобный критический подход является скорее исключением в украинской науке истории государства и права. Большинство современных украинских государствоведов исходит из того, что «учреждениями практически всех государственных институтов, даже основанных иностранными суверенами, были местные уроженцы, которые по большей части приносили в их деятельность национальный колорит, служили проводниками той поступательности, европейскости, духа чисто украинского демократизма, которые составляют стержень отечественной истории государственных институтов»¹⁵.

Оспаривая легитимность состоявшегося в Крыму референдума, представитель МИД Украины 17 марта 2014 г. Е. Перебийнис заявил, что право на самоопределение «касается коренных народов». На Украине, мол, проживают только четыре коренных этноса, включая украинцев, а русские к их числу не относятся. В этой связи в российском МИДе напомнили, что Декларация ООН о правах коренных народов особо оговаривает, что «ничто в настоящей Декларации не может быть использовано для отказа любому народу в его праве на самоопределение». Если же смысл заявления заключается в том, чтобы, назвав русский народ «диаспорой», указать на его подчиненное положение по отношению

к «коренному» украинскому населению этой страны, то изыскания «этнографов» с Михайловской площади Киева сильно напоминают исследования теоретиков нацизма в 1930-е годы, замахиваясь «в сложившейся критической ситуации на историческую память миллионов и миллионов русских и украинцев, испокон веков живущих вместе и внесших большой совместный вклад в становление и благосостояние исторической и современной Украины»¹⁶.

Необходимо отметить, что проблемы исторической памяти на протяжении последнего 20-летия весьма активно политизировались украинскими государственными деятелями и учеными. В 2006 г. были приняты Закон «О голодоморе 1932–1933 годов на Украине»¹⁷, постановление Кабинета министров Украины «Об учреждении Украинского института национальной памяти»¹⁸.

В п. 4. постановления Кабинета министров «Об утверждении Положения об Украинском институте национальной памяти» от 31 января 2011 г. в качестве задач данной научной организации указаны: научное и аналитическое обеспечение формирования государственной политики по вопросам национальной памяти; выполнение государственных программ фундаментальных и научно-практических исследований проблем национальной памяти, «ее влияния на формирование гражданского общества, украинской нации»; осуществление научных и научно-практических исследований «традиций государствообразования украинского народа, его борьбы за свободу и соборность Украины»; «изучение трагических событий в истории народов Украины и участие в мероприятиях по увековечению памяти их жертв» и др.¹⁹

Историко-правовая проблематика накрепко вплетена в украинский кризис. С одной стороны, обоснование суверенных прав современной Украины зачастую сводилось к возрождению концепций националистической, русофобской направленности. Неслучайно во внесенном в марте 2014 г. в Верховную Раду проекте декларации «О борьбе за освобождение Украины» утверждается, что единственным «нескрываемым мотивом Российской Федерации» в решении о присоединении Крыма и Севасто-

¹⁴ Музыченко П.П. История государства и права Украины: учебное пособие. Київ: Знання, 2008. С. 298.

¹⁵ Папакін Г. Історія державних установ України: Урядуючі інституції та державні установи ІХ — початку ХХ ст. Київ, 2010. С. 237.

¹⁶ URL: <http://ria.ru/world/20140319/1000256820.html>

¹⁷ Відомості Верховної Ради України. 2006. № 50. Ст. 504.

¹⁸ Офіційний вісник України. 2006. № 22. Ст. 1644.

¹⁹ Офіційний вісник України. 2011. № 2. Ст. 105.

поля в состав России является пресловутая доктрина „прирастания русского мира“²⁰. С другой стороны, изучение советского периода развития Украины велось главным образом с субъективистских позиций при отказе от принципа историзма. Наконец, на государственном уровне утверждалась необоснованная терпимость к фашистской идеологии украинских националистов из ОУН-УПА.

Литература

1. Иванов В.М. Історія держави і права України : навч. посіб. / В.М. Иванов. Київ, 2002. Ч. 1. С. 87.
2. Деревінський В. Ставлення ОУН(Б) і УПА до сусідніх народів та національних меншин. НАН України. Інститут історії України / В. Деревінський. К. : Ін-т історії України НАН України, 2006.
3. Енциклопедія історії України. Т. 1. А–В / ред. кол. В.А. Смолій (голова) [та ін.]; НАН України. Інститут історії України. К. : Наукова думка, 2003. С. 177.
4. Ільющин І.І. Протистояння УПА і АК (Армії Крайової) в роки Другої Світової війни на тлі діяльності польського підпілля в Західній Україні / І.І. Ільющин; відп. ред. С.В. Кульчицький. НАН України. Інститут історії України. К. : Інститут історії України, 2001.
5. Касьянов Г.В. До питання про ідеологію Організації українських націоналістів (ОУН) : Аналіт. огляд / Г.В. Касьянов // НАН України. Інститут історії України. К. : Ін-т історії України НАН України, 2003.
6. Лисенко О.Є., Марущенко О.В. Організація Українських Націоналістів та Українська Повстанська Армія : бібліогр. покажч. публ. 1998–2002 / О.Є. Лисенко, О.В. Марущенко. К. : Ін-т історії України НАН України, 2002.
7. Музыченко П.П. История государства и права Украины : учебное пособие / П.П. Музыченко. Київ. : Знання, 2008. С. 298.
8. Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія : Історичні нариси / НАН України; Інститут історії України / відп. ред. С.В. Кульчицький. К. : Наукова думка, 2005.
9. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / А.А. Данилов, А.В. Филиппов [и др.]. М., 2009. С. 15–16.
10. ОУН і УПА в 1944 році : Документи. В 2 ч. Ч. 1. Упорядники : О.Веселова, С. Кокін, О. Лисенко, В. Сергійчук / відп. ред. С. Кульчицький / НАН України. Інститут історії України. К. : Інститут історії України, 2009.
11. Папакін Г. Історія державних установ України : урядуючі інституції та державні установи ІХ — початку ХХ ст. / Г. Папакін. Київ, 2010. С. 237.
12. Полищук В. Гора родила мышь. Бандеровскую: критика «Отчета рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА. Основные тезисы по проблеме ОУН-УПА (исторический вывод)» / В. Полищук. Киев, 2006. С. 84.
13. Польсько-українські стосунки в 1942–1947 роках у документах ОУН та УПА : у 2 т. Т. 1. Війна під час війни. 1942–1945 / відп. ред. та упоряд. В.М. В'ятрович. Львівський національний університет імені Івана Франка : Центр досліджень визвольного руху. Львів : Центр досліджень визвольного руху, 2011; та ін.
14. Проблема ОУН-УПА : Попередня історична довідка / відп. ред. С.В. Кульчицький. К. : Ін-т історії України НАН України, 2000.
15. Чайковський А.С. Айсберг. З історії органів внутрішніх справ і державної безпеки України / А.С. Чайковський. К. : Парламентське видавництво, 2013. С. 487.

²⁰ URL: <http://ria.ru/world/20140320/1000302818.html#ixzz2wTqJj3oB>

Возникновение и тенденции развития прокуратуры Свердловской области в XX веке

*Шобухин Владимир Юрьевич,
прокурор учебно-методического отдела
прокуратуры Свердловской области — межрегионального
центра профессионального обучения прокурорских
работников и федеральных государственных гражданских служащих,
кандидат юридических наук, доцент
vladimir.shobuhin@usla.ru*

В статье рассматриваются тенденции и выявляются закономерности развития прокуратуры Свердловской области в XX веке. Особое внимание уделяется анализу деятельности, структурной организации, задачам органов прокуратуры Свердловской области. Прослеживаются преобразования в статусе и структуре прокуратуры Свердловской области.

Ключевые слова: прокуратура, Свердловская область, функции прокуратуры, структура прокуратуры, прокурор.

Establishment and Trends of Development of the Sverdlovsk Region Public Prosecutor's Office in the XX Century

*Shobukhin Vladimir Yu.,
Public Prosecutor of the Educational and Methodological Department of the Sverdlovsk Region Public Prosecutor's Office — Inter-Regional Center of Professional Training of Procuracy Officers and Federal State Civil Employees,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article is devoted to tendencies and regularities of development of the Procurator's Office in the Sverdlovsk region in the XX century. The author analyses the activity, structure and tasks of procurator's office of the Sverdlovsk region. Much attention is given to the transformation of the status and structure of the procurator's office in the Sverdlovsk region.

Key words: public prosecutor's office, the Sverdlovsk region, functions of a prosecutor's office, a structure of a prosecutor's office, prosecutor.

5 февраля 1934 года Народным комиссаром юстиции РСФСР Н.В. Крыленко в рамках приказа № 66 было установлено начало функционирования прокуратуры Свердловской области. А связано это с разделением Постановлением Президиума ВЦИК от 17 января 1934 года¹ Уральской области на Свердловскую (в 1938 году из ее состава выделена Пермская область), Челябинскую и Обско-Иртышскую. Прокурором Свердловской области (*первым прокурором*) назначен Г.И. Лейман. Приказ за № 1 по Свердловской областной прокуратуре датируется 8 февраля 1934 года и принят во исполнение приказа Наркомюста от 05.02.1934 № 66. Таким образом, в 2014 году прокуратуре Свердлов-

ской области исполнилось 80 лет². Хотя это не означает, что до 1934 года на Урале, включая территорию современной Свердловской области, прокурорский надзор не осуществлялся.

Сама Уральская область была образована в конце 1923 года (с административным центром — г. Екатеринбург (с 1924 года — г. Свердловск)), в ее состав вошли 15 округов (в 1925 году еще один округ — Коми-Пермяцкий), она объединила 205 районов, 87 городов,

¹ О разделении Уральской области: Постановление ВЦИК 17 января 1934 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое Н.К.Ю. 1934. № 5. 31 января. С. 43–44.

² Рассматривая вопрос возникновения и становления органов прокуратуры Свердловской области в XX веке, возможно провести параллель с историей прокурорской системы в целом, которая уже была предметом нашего исследования на страницах журнала «История государства и права» (см.: Шобухин В.Ю. Организационно-правовое регулирование деятельности прокуратуры в Советской России // История государства и права. 2009. № 4.).

населенные пункты 3100 сельских Советов³, а с этим создана прокуратура Уральской области. В ведение прокуратуры Уральской области входили, например, Верхне-Камская окружная прокуратура, Ишимская окружная прокуратура, Курганская окружная прокуратура, Нижне-Тагильская окружная прокуратура, Пермская окружная прокуратура, Тобольская окружная прокуратура, Тюменская окружная прокуратура, Челябинская окружная прокуратура. Таким образом, компетенция Уральской областной прокуратуры распространялась как на территорию современной Свердловской области, так и за ее пределы.

В связи с разделением Уральской области и сокращением штатов в аппарате вновь образованной областной прокуратуры с 1 марта 1934 года был расформирован отдел кадров (оргинстр) с передачей всех его производств (кроме личных дел) в секторы: промышленный — по промышленным районам; сельскохозяйственный — по сельхозрайонам, но уже 15 мая 1934 года структура прокуратуры области вновь претерпела изменения и включила в себя: управление делами; завучетом личного состава; секретную часть; ответственного исполнителя — помощника облпрокурора по приему устных жалоб; ответственного исполнителя по особым поручениям прокурора-инструктора; сектор по делам промышленности и транспорта; сектор по делам сельского хозяйства; сектор по надзору за ОГПУ и милицией; сектор по делам торговли, кооперации, финансов; сектор по делам административно-судебного и культурного строительства; сектор по судебным-бытовым делам; ответственного исполнителя по надзору за ИТУ.

20 сентября 1934 года прокурором Свердловской области был издан приказ № 250, которым в целях полного осуществления судебного надзора райпрокурорам вменялось обязательное поддержание обвинения в судах 1 инстанции по делам: о должностных преступлениях (в связи с хозполиткампаниями, нарушение государственной дисциплины, бюрократизм в рассмотрении жалоб трудящихся со стороны руководящих работников района, сельсовета, колхоза); об убийстве и насилии над личностью из хулиганских побуждений. Райпрокуроры были обязаны проверять все приговоры судов по делам о хозполиткампаниях, животноводстве, должностных преступлениях руководящих работников, по арестантским делам. Проверка приговоров облсуда вменялась в компетенцию секторов областной прокуратуры.

³ История Урала: XX в. / под ред. проф. Б.В. Личмана и проф. В.Д. Камынина. Екатеринбург, 1996.

Помимо исторически свойственных прокуратуре функций (прокурорский надзор, участие в рассмотрении судами дел и др.), в приказах по областной прокуратуре этих лет встречается информация о непосредственном участии в реализации государственных задач по уборке урожая, сплаву, в борьбе за качество сельскохозяйственной и промышленной продукции, осуществлении иных управленческих функций, свойственных органам исполнительной власти. Прокуроры и следователи трудились в условиях чрезвычайной загруженности, получая при этом очень низкий заработок, что влекло отток кадров из прокуратуры и низкую квалификацию действующих работников. По списку наличного состава прокурорско-следственных работников по облпрокуратуре за 1935 год в графе «образование» у большинства работников стоит отметка «самообразование» или «низшее», реже — «среднее». Лишь незначительный круг работников имел юридическую подготовку. Большинство нарследователей назначалось на должность по окончании двухмесячных курсов. В частности, в 1937 году во многие райпрокуратуры на должности помощников прокурора, а в ряде случаев даже и. о. прокуроров (например, прокуратуры Егоршинского, Чернушинского районов) назначались студенты юридического института.

В 1936 году Свердловская областная прокуратура в очередной раз подверглась реорганизации. В ее составе были образованы: судебно-уголовный отдел; отдел по надзору за ОМЗ НКВД (ИТУ); следственный отдел; отдел общего надзора; гражданский отдел; отдел жалоб; группа кадров; группа учета и информации.

По приказу прокурора СССР А.Я. Вышинского от 28 сентября 1936 года увольнение следователей допускалось лишь с санкции прокурора республики, что преследовало цели усилить независимость следователей от органов местной власти и установить кадровую стабильность корпуса следователей. В этой связи исполняющая обязанности прокурора РСФСР Ф.Е. Нюрина предложила всем следователям направить в прокуратуру республики информацию о себе, включавшую сведения о профессиональной подготовке, количестве уголовных дел, находящихся в производстве, условиях работы, наличии пишущей машинки, средствах передвижения, обеспеченности квартирой, принадлежности к партии и партийной нагрузке и т. д. Следователям также предлагалось выразить конкретные пожелания и пути их решения по улучшению работы следствия⁴.

⁴ Архив прокуратуры Свердловской области.

Одним из путей разрешения проблемы низкой грамотности работников были образование и работа в областной прокуратуре специальных кружков. Так, по результатам проверки состояния технической учебы по аппарату прокуратуры области для технических канцелярских работников областной прокуратуры в марте 1937 года были организованы два кружка. Первый кружок пониженного типа для работников с небольшим опытом работы, не знающих особенностей делопроизводства в органах прокуратуры. Второй кружок повышенного типа для работников, владеющих основами делопроизводства, но подлежащих учебе по основным разделам права, судостроительства и Положения о государственной прокуратуре.

17 декабря 1937 года в целях повышения квалификации было введено обязательное обучение без отрыва от производства заместителей, старших помощников, помощников областного прокурора, старших следователей, районных прокуроров, их помощников, народных следователей районных прокуратур. Обучение осуществлялось на базе Института права и включало в себя курс лекций по циклам в соответствии со специально разработанной программой. Лекции проходили в утренние часы (с 08.30 до 10.00 часов) два раза в неделю и включали в себя два академических часа. Их посещение для работников было обязательным. Опоздание и прогул рассматривались как нарушение трудовой дисциплины.

В 1938 году на службе в Свердловской областной прокуратуре (*данные по списку работников Управления Свердловской областной прокуратуры на 23 июня 1938 г.*⁵) состояло 87 человек. Должность областного прокурора занимал П.В. Баранов, который затем в 1948 году был назначен прокурором РСФСР.

В рамках подведения итогов работы за 1939 год отмечалось, что областной аппарат и районные прокуратуры укомплектованы полностью, за исключением должностей двух районных прокуроров и семи помощников районных прокуроров. Значительно улучшилась следственная работа. Увеличился процент законченных следственных дел в срок до двух месяцев. По уголовно-судебной и судебно-гражданской работе также наметились позитивные результаты, где количественные показатели участия прокуроров в суде в 1939 году в разы превосходили данные 1938 года. В сфере общего надзора за девять месяцев 1939 года было принесено 4216 протестов

⁵ Архив прокуратуры Свердловской области.

(из них отклонено лишь 0,2 %), а за аналогичный период времени в 1938 году — 1884.

В сфере повышенного внимания находились вопросы организации прокурорского надзора за выполнением плана обязательных поставок молока государству. Так, в мае 1940 года в одном из своих приказов прокурор области требовал от всех горрайпрокуроров представить спецдонесение, в котором следовало отразить: а) процент выполнения плана молокопоставок на 1 июня 1940 года по району в целом и отдельно по колхозам, колхозникам, совхозам, единоличникам; б) количество переданных дел в суд на взыскание молокопоставок с 1 января по 1 июня 1940 г.; в) сроки рассмотрения дел судами; г) количество нерассмотренных в суде дел и причины этого; д) количество приведенных в исполнение решений и количество неисполненных райуполнаркомзагом и почему; е) количество выступлений прокурора в суде по данной категории дел; ж) количество принесенных кассационных протестов и процент их удовлетворения; з) количество приговоренных лиц с указанием мер их наказания, включая примеры. В весенний период времени прокурорам районов предписывалось организовывать выезды в колхозы по вопросам проведения весенней посевной кампании, одновременно используя эти выезды для просмотра постановлений местных советов, собраний и заседаний правлений колхозов в порядке общего надзора.

Отдельное место в истории прокуратуры Свердловской области, как и всей нашей страны, конечно же, занимают годы Великой Отечественной войны. Одним из первых приказов данного периода явился приказ прокурора Свердловской области от 23 июня 1941 года № 164 об отзыве из отпусков и отмене отпусков прокуроров, помощников прокуроров и следователей, изданный ввиду объявленной Президиумом Верховного Совета СССР мобилизацией. И уже на следующий день ряд прокурорских работников были освобождены от работы в прокуратуре Свердловской области в связи с уходом в ряды Красной армии. Такие приказы в последующем издавались областным прокурором практически каждый день. Работники прокуратуры, находившиеся на юридических курсах, немедленно отзывались на работу в прокуратуру.

Военное положение в стране отразилось и на порядке дежурств прокуроров при областной прокуратуре. Помощники прокурора области дежурили ежедневно с 17.30 до 09.00 часов (с 27.01.1942 начальники отделов и прокуроры отделов областной прокуратуры

ры дежурили с 17.30 до 01.00 часов), районные прокуроры по городу Свердловску — каждое воскресенье с 09.00 до 18.00 часов, народные и старшие следователи — ежедневно с 17.30 до 09.00 часов, а по воскресеньям с 09.00 до 18.00 и с 18.00 до 09.00 часов следующего дня. Дежурный прокурор и следователь были обязаны находиться в приемной комнате прокурора области. Отвечать здесь на вызовы по телефону могли только они. При этом в ходе дежурства прокурор не только ожидал сведений о происшествиях, но и был обязан сам связываться с дежурным по областному управлению милиции, УНКВД, районными прокурорами и другими государственными органами. Обо всех происшествиях делалась запись в книге дежурного, и по общему правилу в период с 09.00 до 09.30 часов, по окончании, дежурства докладывалось областному прокурору или его заместителю, а при особо важных происшествиях — незамедлительно. Дежурства прокуроров и следователей рассматривались как ответственная служебная обязанность. Нарушение порядка дежурства (неявка, опоздание, преждевременный уход) расценивалось в качестве нарушения государственной служебной дисциплины и влекло серьезные виды ответственности.

В условиях военного времени и мобилизации мужчин сложное положение как в аппарате, так и на местах сложилось с кадрами. На работу в прокуратуру все больше принимались женщины и подростки. Освобождающиеся должности занимали студенты последних курсов юридического института и выпускники срочно организованных трехмесячных юридических курсов прокурорско-следственных работников. Организовывались занятия с работниками в прокуратуре. Так, в августе 1944 года при областной прокуратуре начал функционировать кружок по изучению русского языка. Первыми его слушателями стали начальники отделов областной прокуратуры, помощники прокурора области по спецделам, прокуроры отделов, старшие следователи. По списку — 13 человек. Посещение занятий было обязательным. Контроль за этим осуществлял начальник отдела кадров, который сам входил в число слушателей кружка.

14 октября 1943 года во исполнение приказа прокурора СССР от 22 сентября 1943 года № 908 «О проведении аттестования прокурорско-следственных работников органов Прокуратуры Союза ССР» и аналогичного приказа прокурора РСФСР от 5 октября 1943 года № 58 при прокуроре Свердловской области была образована первая аттестационная комиссия.

По окончании войны на прежнее место работы стали возвращаться фронтовики. Немало было принято в прокуратуру и новых работников, выполнивших свой священный долг по защите Родины. Эти люди составили поистине золотой фонд прокуратуры. Их колоссальный жизненный и профессиональный опыт используется и перенимается молодыми специалистами прокуратуры по сегодняшний день.

В послевоенные годы работникам прокуратуры предстояло перестроиться и наладить работу уже в мирных условиях. Это время отмечено особым вниманием руководства прокуратуры Свердловской области к повышению качества деятельности⁶. Так, облпрокурором в рамках приказа «О мероприятиях по улучшению работы отделов прокуратуры области» предписывалось перестроить работу отделов областной прокуратуры в сторону реального («живого») и действенного руководства и помощи горрайпрокурорам, повышения роли и ответственности зональных прокуроров, а особенно начальников отделов. Следовало сократить адресованные районным и городским прокурорам указания и одновременно повысить требования по их выполнению. Повышались требования к статистической отчетности. Следственному отделу было указано усилить борьбу с преступностью, обмен положительным опытом в раскрытии преступлений, добиваться доведения до минимума количества прекращенных и приостановленных дел, обобщать работу участковых следователей, повысить контроль за работой следователей по обеспечению реального возмещения материального ущерба государству.

Регулярно проводились методические конференции и стажировки следователей, организовывалось изучение методических материалов на местах, сдавались зачеты. При каждом вызове следователя в прокуратуру области начальник следственного отдела был обязан лично беседовать с ним и выяснять успеваемость в юридической учебе, сочетание теоретической подготовки с практической деятельностью.

Укреплялась связь с общественностью. Многие прокуроры выступали с докладами «О состоянии социалистической законности

⁶ О проблемах в деятельности прокуратуры Свердловской области в указанный период времени см.: Шобухин В.Ю. Организационно-правовое регулирование деятельности прокуратуры Свердловской области в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время // История государства и права. 2010. № 18.

и мерах по ее дальнейшему укреплению» на сессиях городских, районных и сельских советов депутатов трудящихся, собраниях хозяйственного, профсоюзного и комсомольского актива. Прокурорские работники практиковали сообщения о результатах общенадзорных проверок на собраниях партийных и профсоюзных организаций, собраниях рабочих, служащих и колхозников, заседаниях профсоюзных комитетов. Укреплялось сотрудничество со Свердловским юридическим институтом (*в настоящее время* — Уральский государственный юридический университет). На базе института организовывались курсы по повышению квалификации прокурорско-следственных работников. 11 апреля 1969 года при областной прокуратуре был организован научно-методический консультационный совет. В его состав вошли сотрудники областной прокуратуры и преподаватели Свердловского юридического института.

В 1970-е — начале 1980-х годов на территории Свердловской области были организованы транспортные прокуратуры, в том числе Уральская транспортная прокуратура, приравненная по статусу к областной. При этом в 1980-е годы наметился рост преступности, особенно в части совершения таких преступлений, как убийства, разбои, грабежи, кражи. Например, в 1984 году по городу Свердловску за первые девять месяцев в сравнении с показателями предшествующих лет отмечался рост преступности на 8 %, а среди несовершеннолетних — на 23,6 %. Прирост преступлений, совершаемых в городе, в полтора раза превышал общие показатели по области. Высоким был уровень рецидивной преступности и тунеядства⁷. Это не могло не отразиться на деятельности органов прокуратуры. В связи с этим прокурор области все чаще требовал от свердловского городского прокурора усилить контроль и повысить требовательность к прокурорам районов по городу Свердловску, обеспечить координацию их деятельности и оказание практической помощи в осуществлении ими своих функций, организовать действенный надзор за органами внутренних дел.

Начало 1990-х годов для Свердловской области, как и для всей страны, характеризуется падением объемов промышленного производства и сельского хозяйства, дестабилизацией экономической и политической ситуации, массовыми нарушениями законодательства, незаконным переделом собственности, стремительно продолжающимся ростом преступности. Так, в 1990 году

⁷ Архив прокуратуры Свердловской области.

в Свердловской области снизились объемы промышленного производства более чем на 2,5 %, а продукции сельского хозяйства — на 3,5 %, в то же время общий уровень преступности вырос на 40 % (в отдельных районах области — более чем на 80 %)⁸. Все эти и другие обстоятельства не могли не отразиться на статусе прокуратуры и требовали новых подходов в решении вопросов организации и деятельности ее органов.

В 1992 году был принят Закон РФ «О прокуратуре РФ»⁹, который определяет статус органов и учреждений прокуратуры по настоящее время. В связи с изданием данного закона в организации и деятельности органов прокуратуры произошел ряд изменений. В отличие от ранее действовавшего Закона СССР о прокуратуре СССР, в Законе РФ «О прокуратуре РФ» не были предусмотрены такие правовые средства прокурорского надзора, как предписание и предостережение. Не закреплено осуществление надзора за исполнением законов гражданами. Прокурорский надзор перестал именоваться высшим надзором. До 1995 года не была предусмотрена функция прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, хотя прокуроры продолжали ее осуществлять. Упразднен институт стажерства в органах прокуратуры. Указанные обстоятельства в полной мере относятся и к деятельности прокуратуры Свердловской области.

Литература

1. Архив прокуратуры Свердловской области.
2. Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
3. История Урала: XX в. / под ред. проф. Б.В. Личмана и проф. В.Д. Камынина. Екатеринбург, 1996.
4. О разделении Уральской области: Постановление ВЦИК от 17 января 1934 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое Н.К.Ю. 1934. № 5. 31 января.
5. Шобухин В.Ю. Организационно-правовое регулирование деятельности прокуратуры в Советской России // История государства и права. 2009. № 4.
6. Шобухин В.Ю. Организационно-правовое регулирование деятельности прокуратуры Свердловской области в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время // История государства и права. 2010. № 18.

⁸ История Урала: XX в. / под ред. проф. Б.В. Личмана и проф. В.Д. Камынина. Екатеринбург, 1996.

⁹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

Динамика правонарушений в городах Западной Сибири в 1901–1914 годах

*Храмцов Александр Борисович,
доцент кафедры государственного и муниципального управления и права
Тюменского государственного архитектурно-строительного университета,
кандидат исторических наук
khramtsov_ab@bk.ru*

В статье исследуется динамика правонарушений в городах Сибирского региона в начале XX века. Рассмотрены три группы правонарушений: антигосударственные, против личности и против собственности. В 1901–1907 гг. отмечался количественный и качественный скачок правонарушений второй, а в 1908–1914 гг. — третьей группы. Приведены конкретные примеры преступлений, иллюстрирующие аспекты данной проблемы.

***Ключевые слова:** правонарушение, преступление, бандитизм, проституция, криминализация, Сибирь.*

Offence Dynamics in Western Siberian Cities in 1901–1914

*Khramtsov Aleksandr B.,
Assistant Professor of the State and Municipal Management and Law Department at the Tyumen State University
of Architecture and Civil Engineering,
Candidate of Historical Sciences*

In article dynamics of offenses in the cities of the Siberian region at the beginning of the XX century is investigated. Three groups of offenses are considered: antistate, against the personality and against property. In 1901–1907 the quantitative and quantum leap of offenses of the second, and in 1908–1914 — the third group was noted. The concrete examples of crimes illustrating aspects of this problem are given.

***Key words:** offense, crime, gangsterism, prostitution, criminalization, Siberia.*

Ускоренные темпы развития капитализма, социальные катаклизмы и революционные события 1905–1907 гг. привели к росту преступности в городах Западной Сибири, к расщеплению традиционных общественных структур и дезориентации поведения разных слоев общества. Асоциальное (девиантное) поведение являлось симптомом деградации и кризиса патриархального образа жизни. Разрушение старого сословного строя означало усиление социальной мобильности и маргинализацию населения.

Криминальная ситуация в регионе приобретала устойчивый и повседневный характер: возрастали масштабы криминализации в торговле, коррупции в административных органах, усиливалось влияние преступности на все стороны жизнедеятельности, проявлялись новые виды преступлений, ранее не характерные для Сибири. Одним из факторов, обусловивших рост криминализации, являлось массовое переселение крестьян в регион. Разумеется, правительственная власть проводила «охранительные» меры, но ситуация оставалась сложной. В попытке обуздать нахлынувшую волну преступлений с 1905 г. в Тобольской и Томской губерниях вводи-

лось военное положение. Высочайшим указом 14 февраля 1908 г. Курганский, Ишимский, Тюкалинский, Тобольский и Тюменский уезды, кроме полосы отчуждения, взамен военного положения объявлялись в состоянии чрезвычайной охраны сроком на шесть месяцев с присвоением прав главноначальствующего тобольскому губернатору¹. Аналогичные меры вводились в Томской губернии и других районах края.

Революция 1905–1907 гг. заметно усилила противоречия в обществе, вызвав рост преступлений в сибирских городах, в первую очередь уличной преступности, проявившейся в многократном увеличении числа краж, грабежей, разбойных нападений и убийств. Процесс криминализации региона следует рассмотреть на конкретных примерах преступлений. Для этого все правонарушения следует поделить на три характерные группы.

Первую группу составили «антиобщественные и антигосударственные виды преступных деяний»: революционная пропаганда против государственного строя и существующей системы управления, нарушения законов

¹ Курганские известия. 1908. № 25. С. 3.

Таблица 1

Динамика числа преступлений в городах Томской губернии. 1901, 1907 и 1914 гг.*

Группа преступлений	Томск			Новониколаевск			Барнаул		
	1901	1907	1914	1901	1907	1914	1901	1907	1914
Антигосударственные и антиобщественные	40	99	89	17	105	59	27	20	83
Против личности	77	169	130	27	153	66	51	108	88
Против собственности	310	391	385	52	464	213	41	55	184

* Составлено по: Глазунов Д.А. Влияние переселения на правовую культуру Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века: сборник научных статей. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 223–232.

и уставов, общественного порядка и благочиния, подлоги и служебные проступки, терроризм, проституция, бандитизм и организованная преступность.

В годы революции отмечался качественный и количественный скачок правонарушений именно первой группы (см. таблицу 1). Например, по постановлению губернатора от 19 января 1906 г. в «Дворянских номерах» в г. Томске, в доме Моисеева, был произведен обыск, где обнаружены нелегальная литература РСДРП, печать Сибирского комитета РСДРП, листовки, а также установлено, что эти номера служили местом сборища революционных элементов. Губернатор приказал их закрыть и дал поручение полицмейстеру произвести эти действия. Согласно постановлению губернатора от 20 января 1906 г. пивную лавку купца Чердынцева в г. Томске, где постоянно происходят разного рода безобразия и сборища подозрительных лиц, на все время военного положения решено закрыть. К тому же губернатор повелел «ввиду явно преступной деятельности Томского общества попечения о начальном образовании деятельность общества приостановить и войти с представлением в МВД о закрытии общества», а трех преподавателей Томского технологического института устранить от занимаемых должностей и запретить им проживание в г. Томске и выслать их на Запад на время военного положения под надзором полиции².

Наряду с этим из газет не сходила информация об уличных беспорядках, что было достаточно редким явлением во второй половине XIX века. Скажем, 18 января 1905 г. в г. Томске произошли беспорядки. Учащаяся молодежь вышла около часа дня на демонстрацию вблизи почтово-телеграфной кон-

торы. Участники демонстрации размахивали красными флагами с революционными надписями. На требование полиции разойтись демонстранты открыли огонь из револьверов, ранив шестерых полицейских. Для устранения беспорядков были вызваны до 50-ти казаков, также встреченные выстрелами. Чины полиции и казаки применили ответный огонь, толпа рассеялась. В результате был задержан 121 человек, из них получивших ранения — 23 (один скончался), началось расследование³.

В г. Ялуторовске около винной лавки, напротив Отделения московского сельскохозяйственного общества, «босьяки» творили всякие безобразия: распевание песен, ругательства площадными словами, вымогательство денег на водку, угрозы и т. п. В субботу, 28 июля 1907 г., пьяные хулиганы и с ними одна женщина, никого не стесняясь, устроили на улице «форменный публичный дом». Газета считает, что «не мешало бы кому следует больше наблюдать за благочинием и безопасностью на улицах». Местная полицейская команда из девяти человек, очевидно, не справлялась с охраной правопорядка. На помощь им приходили чины жандармерии. По результатам совместного рейда жандармов и городских был составлен протокол на обывателя Хорзова за распевание на улице революционных песен. У него на квартире произвели обыск, изъяли пять брошюр, но никто не был арестован; 1 октября 1907 г. околоточный надзиратель отобрал у двух человек гармошки за игру на улицах и пение распевание песен. Однако подобные хулиганства продолжались⁴.

Ввиду социальной напряженности местная полиция препятствовала проведению и традиционных уличных забав. В г. Тюмени в 1911 г. по традиции на Рождество должен был

² Томские губернские ведомости. 1906. № 2. С. 3; № 6. С. 1; № 8. С. 2; № 10. С. 1.

³ Томские губернские ведомости. 1905. № 4. С. 1.

⁴ Ялуторовская жизнь. 1907. № 1. С. 6; № 3. С. 7.

состояться кулачный бой — «затюменка идет на зареку». Бой начался 27 декабря, но вскоре был остановлен конными городскими; также на ярмарочной площади были задержаны братья Ефимовы, которые производили стрельбу из револьверов. Револьверы отобраны. В то же время владельцы трактиров и пивных лавок повсеместно нарушали правила торговли. В частности, околоточный надзиратель второго участка г. Тюмени ночью 26 марта 1911 г. обнаружил, что в затюменской части города пивная освещена и наполнена пьяной публикой. На хозяина был составлен протокол за незаконную торговлю в ночное время⁵.

Газета «Сибирская жизнь» замечала, что «Новониколаевск формируется и приобретает физиономию обыкновенного уездного города, с его сплетнями, с его постоянными картами до одури, с его мордобитиями, здесь в широком масштабе растет уличная проституция и... позорные, ужасные, отвратительные „ямы“... Полицейские „меры“ борьбы с проституцией никчемны»; в г. Ишиме более 20 домохозяев Больше-Кузнечной улицы возбудили перед думой ходатайство об уничтожении домов терпимости на их улице — один публичный и три тайных. По их соображениям, эти дома оказывают развращающее влияние на детей и оскорбляют нравственность взрослых. Пьяные проститутки и их «гости» на улице ведут непристойные разговоры и часто расппевают похабные песни. Несколько гласных местной думы предложили закрыть в городе все дома терпимости. Большинство голосов (12 «за» и 6 «против») дума постановила их закрыть⁶. Однако тайная проституция, скрывавшаяся под вывесками модных магазинов и гостиниц, процветала.

В начале XX века Сибирь захлестнула волна терроризма и бандитизма. В частности, в Курганское уездное полицейское управление 16 января 1908 г. явилась «террористка» — молодая женщина лет 16-ти и заявила, что она принадлежит к летучему отряду партии социал-революционеров и на ее долю пал жребий убить пристава Степанова. Девушку арестовали. По результатам дознания «террористкой» оказалась шадринская мещанка, по мнению ее родных, страдавшая психическим расстройством. В г. Бийске была арестована гимназистка по подзрению в посылке письма с угрозами местному богачу Сычеву с предложением уплатить ей 5000 рублей, в противном случае он будет

убит. Сычев дал знать об этом полиции, которая устроила засаду и ее арестовала⁷.

Наиболее сложными для местной полиции являлись борьба с бандитизмом, с выявление преступных группировок, уголовных шаек и их ликвидация. Ишимской полицией в 1907 г. удалось арестовать две шайки грабителей в 7 и 16 человек, совершавшие вооруженные грабежи в городе и окрестностях; в г. Тюмени 18 сентября 1908 г. банда из семи вооруженных человек напала на железнодорожного артельщика, который вез деньги в банк в сопровождении стражника. Было похищено 3600 рублей, пятерых грабителей полиция задержала, а двое, отстреливаясь, скрылись с деньгами⁸. Нередко в таких операциях погибали полицейские. В частности, в г. Кургане 14 января 1908 г. в 17.00 часов железнодорожный жандармский вахмистр Степин с четырьмя жандармами подъехал к дому Ковригина с целью провести обыск на квартире Шумилова. При входе в квартиру жандармы были встречены выстрелами из револьверов. Двое жандармов были убиты, вахмистр и еще один жандарм тяжело ранены. Позже в больнице жандарм скончался. Преступники в числе до шести человек (в том числе одна женщина) скрылись, седьмой преступник задержан извозчиками и арестован полицией. При обыске квартиры Шумилова были найдены динамит и склад патронов. Арестован Шумилов, его жена и еще до шести человек. Двое преступников направились по дороге в г. Ялуторовск, где в с. Исетском их настиг околоточный надзиратель Васильев, который при содействии местных крестьян окружил преступников. Они оба были убиты. При обыске у них были найдены патроны, поддельные паспорта и накладные усы. Приказом и. д. тобольского губернатора объявлена благодарность курганскому уездному исправнику Рослякову, околоточному надзирателю Васильеву и городскому Загородных за задержание убийц жандармов⁹.

Вторую группу составили преступления против личности и семьи: убийства, побои (нарушения телесной безопасности), против женской чести, оскорбления, преступления против союза брачного и родственного. Эта группа правонарушений также получила новый импульс к развитию вследствие пер-

⁵ Вестник Западной Сибири. 1911. № 10. С. 4; № 68. С. 4.

⁶ Сибирская жизнь. 1912. 29 января. С. 3; Сибирская торговая газета. 1914. № 64. С. 3.

⁷ Курганские известия. 1908. № 8. С. 3; Вестник Западной Сибири. 1911. № 21. С. 4.

⁸ Вестник полиции. 1907. № 4. С. 20; 1908. № 43. С. 19.

⁹ Курганские известия. 1908. № 7–8. С. 2-3; № 21. С. 4.

вой революции и массового переселения в Сибирь. Причем в 1905–1907 гг. отмечался взрыв преступлений против личности (см. таблицу 1). Например, в ночь на 15 января 1906 г. в г. Бийске совершено убийство семьи мещанина Лисина с целью грабежа. Убийство было раскрыто благодаря энергичным действиям надзирателя Пискунова, задержавшего убийцу в селе Барнаульского уезда; 16 декабря 1911 г. в г. Тюмени был убит у своего дома содержатель пивной Сафронов, ему было нанесено восемь ран, с него сняты шуба и шапка; 21 января 1910 г. на лесопильном заводе бр. Калгановых нечаянным выстрелом из револьвера, произведенным Иваном Калгановым, убит родной брат Афанасий¹⁰.

«Ужасный случай» описывала газета в г. Кургане — крестьянка Меньшикова в результате своих скитаний попала 21 февраля 1908 г. в уездную полицию, где в 15.00 часов на глазах посетителей бросила своего грудного ребенка в топившуюся печь. Ребенка тотчас же вынули из печки, но он получил ожоги всей правой стороны тела и вряд ли останется жив; 23 июня 1908 г. в 15.00 часов «кровавая драма» развернулась на нижнем базаре города, где неизвестным человеком были поранены ножом сразу несколько человек, двое тяжело. Преступник был схвачен; утром 24 июня 1908 г. в доме Заверняевой, по Троицкой улице, в семье плотника Пономарева на почве семейных раздоров произошел конфликт. Жена, психически больная, пользуясь сонным состоянием мужа, отрубила ему голову. Виновную арестовали¹¹. В г. Томске 7 апреля 1911 г. в 04.00 часа в своей квартире студент Лысенко зарезал свою жену и покушался задушить годовалую дочь и покончить с собой посредством отравления; тюкалинская мещанская девица Гнидина, родив живого младенца мужского пола, лишила его жизни и спрятала труп в бане за печку, который найден 11 марта 1910 г.¹²

Вследствие разрушения традиционного образа жизни сибиряков резко возросло количество самоубийств и нечаянных смертей. К примеру, в г. Новониколаевске крестьянин Татибадзе вызвался на пари выпить из горлышка бутылку водки, затем вторую, потом

лишился сознания и спустя некоторое время скончался. У умершего остались без всяких средств к существованию жена и двое малолетних детей; в г. Тобольске покончил собой преподаватель гимназии, облил себя керосином и поджог, но умереть горящим факелом ему не пришлось, огонь потушили. С ожогами увезли в больницу, где он несколько дней страдал в мучениях и умер; здесь же 3 января 1905 г. застрелился из револьвера отставной фельдшер Самсонов 54 лет, причина самоубийства неизвестна¹³. В Березове 28 декабря 1909 г. на крыльце своей квартиры повесился политический ссыльный Котельников 30 лет; в г. Тюмени 23 июня 1911 г. около 18.00 часов ученик местного реального училища, купаясь в р. Туре, нырнул и не вынырнул. Достали его из воды часа через полтора уже мертвого. В нынешнее лето река Тура, по данным газеты, «взяла уже немало жертв, и городу не помешало бы подумать о спасательных станциях, чтобы избежать по возможности новых жертв»; 29 июня 1905 г. дочь начальника Сургутского почтового отделения Алексеева, 22-х лет, купаясь с подругами в заливе Звериная яма, в одной версте от города, утонула¹⁴.

По свидетельству газет, заметно возрос уровень изнасилований: в г. Кургане газета сообщала о «гнусном насилии» в отношении молодой девушки; в г. Томске мировому судье четвертого участка было передано дело о растлении купцом 14-летней девочки; в Березове 17 февраля 1901 г. ссыльный Быков изнасиловал девицу Федорову 12-ти лет; в Тюмени 31 января 1907 г. бухарец Рычапов обесчестил мещанскую дочь Посаженикову 16-ти лет; газета «Тюменский рабочий» писала о положении женщин на спичечной фабрике Логинова: «...На фабрике работает много женщин. Женщина всегда меньше сопротивляется, чем мужчина, менее требовательна, более покорна. Женщине меньше платят, над ней больше издеваются. Мало того, где работает женщина, там неизменно находятся негодяи, наемная хозяйская сволочь, лакомая до женского тела, пользующаяся подневольным, голодным положением женщины, чтобы насиловать ее, заставить отдаться им — продажным и подлым холопам»¹⁵.

¹⁰ Томские губернские ведомости. 1906. № 13. С. 1; Вестник Западной Сибири. 1911. № 270. С. 3; Тобольские губернские ведомости. 1910. № 11. С. 10.

¹¹ Курганские известия. 1908. № 24. С. 4; № 74. С. 3; № 75. С. 4.

¹² Вестник Западной Сибири. 1911. № 82. С. 3; Тобольские губернские ведомости. 1910. № 19. С. 6.

¹³ Вестник Западной Сибири. 1911. № 100. С. 4; № 133. С. 3; № 274. С. 3.

¹⁴ Тобольские губернские ведомости. 1905. № 9. С. 6; № 33. С. 6; 1910. № 11. С. 9.

¹⁵ Курганские известия. 1908. № 56. С. 3; Вестник Западной Сибири. 1911. № 203. С. 4; Тобольские губернские ведомости. 1901. № 15.

Наконец, в *третью группу* вошли преступления, направленные против собственности: истребление чужого имущества (прежде всего, поджоги), грабеж, кража, мошенничество, растраты и др. Это широко освещалось в местных газетах. Например, согласно заметке, «жизнь в г. Новониколаевске в последнее время стала далеко не безопасной. Убийства и грабежи сделались обычным явлением. Воровство со взломом замков и конокрадство здесь развиты в страшных размерах. Почти не проходит дня, чтоб здесь не украли трех-четырёх лошадей. К сожалению, деятельность местной полиции по раскрытию преступлений проявляется далеко не в достаточной мере»¹⁶. «Ялutorовская жизнь» замечала, что «с каждым днем воровство становится все больше и больше, воруя днем, воруя ночью...»; 14 августа 1907 г. воры забрались в погреб домовладельца Бусыгина, очистили его, утащив мясо, масло, картофель. В ту же ночь очистили погреб у другого мещанина. В ночь на 8 октября воры проникли в здание городского училища, не найдя денег, похитили коллекцию старинных монет, изорвали классные журналы, испортили настенные часы, переломали кое-что из мебели, на столе инспектора оставили человеческие испражнения¹⁷.

Совершались как мелкие кражи, так и крупные — на несколько тысяч рублей. В ночь на 18 февраля 1908 г. из дома Рухлова в г. Кургане по Вокзальной улице неизвестно кем со взломом замков украдено: 13 пудов мяса, 20 пудов овса, велосипед и др., всего на 228,5 рубля; 10 февраля 1908 г. была ограблена почта, следовавшая из г. Барнаула по Змеиногорскому тракту, похищены корреспонденция и 35 000 рублей. Позже грабителей обнаружили, деньги изъяли. Грабителями оказались чертежник переселенческой партии, помощник библиотекаря и чиновник почтово-телеграфной конторы. Первые двое застрелились, третий сознался; в г. Таре на масляничной неделе в ювелирном магазине Орлова была совершена кража золотых вещей¹⁸.

Следует заметить, что солидный объем газетных публикаций о разного рода правонарушениях в городах Западной Сибири входит в противоречие с «приукрашенными» цифрами полицейской отчетности, представляе-

мой губернаторами в МВД. При этом Департамент полиции реагировал на такие заметки, а вследствие недонесения о них предписывал губернаторам дать подробные разъяснения. В частности, Томская губернская администрация несколько лет замалчивала о правонарушениях чинов Новониколаевской городской полиции. Об этом неоднократно сообщали газеты: «Голос правды» («Полицейские поборы»), «Сибирская правда» («Произвол и взятки полиции в Новониколаевске»), «Русское слово» («Новониколаевские взяточники»), «Сибирская жизнь», «Утро России», «Сибирские вопросы». Беспрецедентность дела взбудоражила широкую общественность. Очевидно, что такого непомерного произвола, взяточничества и жестокого обращения с жителями полицейских еще не случалось. Полиция превратилась с головы до ног в хорошо организованную шайку разбойников. От горожан, пострадавших от их действий, поступило более 400 заявлений, а общая сумма взяток превышала 250 000 рублей. В итоге почти весь состав местной полиции был предан суду¹⁹.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что криминальная ситуация в городах Западной Сибири была чрезвычайно тревожной и имела региональные особенности. Край, обладавший значительным экономическим потенциалом, был весьма привлекателен для криминальных структур. Интенсивный рост городской преступности в значительной мере предreshался слабостью и коррумпированностью властных органов, прежде всего, губернских администраций и полицейских управлений на местах. Положение усугублялось активной переселенческой политикой и ссылкой в регион политических и уголовных элементов²⁰. Разумеется, рассмотрены лишь некоторые данные, характеризующие криминальную ситуацию в сибирских городах. При этом уровень криминализации городов отличался. Так, если подсчитать число убийств, то наиболее безопасными в криминальном отношении следует признать г. Бийск и такие малые города, как Тюкалинск, Туринск, Кузнецк, Кольвань, Славгород и Боготол, а наиболее опасными — крупные города региона Томск, Тюмень, Курган, Барнаул, Новониколаевск, а из малых поселений — Бе-

С. 6 ; 1907. № 11. С. 6 ; Тюменский рабочий. 1908. № 4. С. 8.

¹⁶ Томские губернские ведомости. 1906. № 11. С. 4.

¹⁷ Ялutorовская жизнь. 1907. № 5. С. 7 ; № 12. С. 9.

¹⁸ Вестник полиции. 1908. № 13. С. 20 ; Вестник Западной Сибири. 1911. № 67. С. 4.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 108. Д. 69. Л. 2, 4, 5, 27, 30, 45, 46, 48, 49–51 об.

²⁰ Сунгуров П.А., Петрова В.П. Криминальная ситуация в Тобольской губернии (последняя треть XIX века) // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 121.

резов, Сургут, Каинск, Мариинск, Нарым, Тарск и Тайга, назначенные местом ссылки²¹.

Интересно, что в течение исследуемого периода (1901–1914 гг.) доминантный объект правонарушений сменялся дважды: в 1901–1907 гг. — заметный всплеск правонарушений второй, а в 1908–1914 гг. — третьей группы. А это позволяет говорить об изменении приоритетов в жизни сибирского общества, его ценностей, сознания и социальных условий. В крупных и средних городах чаще, чем в малых поселениях, совершались преступления против частной собственности. Городской образ жизни способствовал «материализации сознания» обывателей, преобладанию черт «буржуазного урбанизма». Отношения между жителями городов определяли не общинные и родственные связи, а такие категории, как «вещизм», «капитал», «товар» и т. п.

²¹ Цысь С.Н. Уличная преступность и обеспечение правопорядка в городах Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914 — осень 1917 г.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4. Т. 1. С. 265.

Все эти факторы в совокупности и объясняют характер развития местной преступности, возросший уровень криминализации Сибирского региона.

Литература

1. Глазунов Д.А. Влияние переселения на правовую культуру Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Сибирский плавильный котел : социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века : сборник научных статей / Д.А. Глазунов. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004. С. 223–232.
2. Сунгуров П.А., Петрова В.П. Криминальная ситуация в Тобольской губернии (последняя треть XIX века) / П.А. Сунгуров, В.П. Петрова // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 121.
3. Цысь С.Н. Уличная преступность и обеспечение правопорядка в городах Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914 — осень 1917 г.) / С.Н. Цысь // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4. Т. 1. С. 265.

Проблема независимости Финляндии 1917–1918 гг. Внешний фактор

*Юрченко Екатерина Сергеевна,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
ФГБОУ ВПО Дальневосточного государственного
гуманитарного университета «ДВГУ»,
кандидат исторических наук
y-k22@yandex.ru*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с ролью иностранных государств в борьбе Финляндии за признание независимости. Автор акцентирует внимание на противостоянии великих держав в регионе Балтийского моря, влиянии их политики на характер внутривнутриполитического развития Финляндии и ее отношения с Россией.

Ключевые слова: борьба за независимость, внешний фактор, финско-российские отношения, гражданская война, пограничный конфликт.

Issue of Independence of Finland in 1917–1918. The External Factor

*Yurchenko Ekaterina S.,
Assistant Professor of the Russian and World History department
at FSBEI HPE Far Eastern State University for Humanities (FESUH),
Candidate of Historical Sciences*

This article discusses issues related to the role of foreign countries in the fight for the recognition of Finland's independence. The author focuses on the confrontation between the great powers in the

Baltic Sea region, the impact of their policies on the character of political development in Finland, and its relations with Russia.

Key words: *struggle for independence, external factor, Finnish-Russian relations, Civil war, borderline conflict.*

Стремление отдельных народов обрести независимость в начале XX века наиболее остро поставило вопрос о роли внешнего фактора в борьбе за национальное самоопределение. Столкновение геополитических интересов ведущих держав, усугубившееся в ходе Первой мировой войны, способствовало активному использованию «национального вопроса» в качестве способа расширения сфер влияния. Для Финляндии, занимающей стратегические позиции в регионе Балтийского моря, эволюция вопроса о самоопределении в 1917–1920 гг. оказалась сопряжена с необходимостью выстоять в противостоянии враждующих коалиций и определить характер отношений с Россией.

История борьбы Финляндии за независимость получила неоднозначную оценку в исторической литературе, поскольку оказалась тесно связана с трагическими событиями гражданской войны в Финляндии 1918 г. Несмотря на возросший интерес исследователей к вопросу о роли отдельных государств в углублении противоречий между Российской империей и ее окраиной накануне и в годы Первой мировой войны, до сих пор отсутствуют комплексные исследования, посвященные «финскому вопросу» в международных отношениях 1917–1918 гг. и роли внешнего фактора в борьбе страны Суоми за национальное самоопределение.

Великое княжество Финляндское имело особый правовой статус в Российской империи, позволивший заложить основы для формирования институтов самоуправления. Несмотря на то что на протяжении всего XIX века шел активный процесс формирования финского национального самосознания, вплоть до начала XX века финны не предпринимали активных попыток выйти из состава империи. Катализатором антироссийских настроений и стремления найти поддержку в борьбе за независимость за рубежом во многом послужили меры Николая II, включавшие ограничение прав финляндского Сейма, насильственную русификацию и расширение прав генерал-губернатора¹.

¹ См. подробнее: Кетола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6. URL: <http://reftrend.ru/247859.html>

В довоенные годы наиболее тесные политические и экономические отношения связывали Великое княжество Финляндское с Германией и Швецией. Из почти трехмиллионного населения Финляндии к началу 1917 г. 500 тысяч составляли этнические шведы². Шведская народная партия являлась одной из наиболее влиятельных партий в финляндском Сейме.

Германия была наиболее активным внешнеторговым партнером Финляндии. В преддверии мировой войны поощрение финского сепаратизма приобрело для германского руководства особое военно-стратегическое значение³. На территории Германии проходили обучение молодые финские националисты, стремившиеся при поддержке немецких войск добиться отделения Финляндии от России. В начале августа 1914 г. германское руководство пообещало финнам в случае успешного исхода войны «создать автономную буферную республику Финляндию»⁴.

На момент начала войны и революционного кризиса в Российской империи, в 1917 г., финская национальная элита не смогла выработать четкой позиции по вопросу о самоопределении, склоняясь к поиску компромиссного соглашения о расширении автономии. Февральская революция поставила вопрос о будущем Финляндии в повестку дня как Временного российского правительства, так и нового финляндского Сената, образованного 26 марта 1917 г. Понимая опасность развития центробежных тенденций в условиях войны, 20 марта правительство князя Н. Львова предоставило Финляндии право на внутреннюю самостоятельность и культурную автономию. Однако решение вопроса о самоопределении Финляндии оказалось тесно сопряжено с вопросом о ее будущем политическом устрой-

² Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: vol. 3. 1918. Russia. Washington, 1931. P. 750–751.

³ Молчанов Л.А. О межгосударственном размежевании России и Финляндии в 1917–1920 годах // Международная жизнь. 2009. № 12. С. 122–134.

⁴ Новикова И.Н. Причины возникновения егерского движения в Финляндии в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 39.

стве. Получившие большинство в финском парламенте, социалисты настаивали на полной внутренней самостоятельности и международных гарантиях автономии Финляндии, намереваясь сосредоточить высшую власть в руках Сейма. Более осторожные представители мелкобуржуазных партий ограничивались расширением полномочий Сената и демонстрировали готовность к компромиссу с российским правительством. Углублявшийся кризис Временного правительства и ухудшение положения на фронтах способствовали нарастанию сепаратистских тенденций.

Активизация российского право-консервативного лагеря летом 1917 г. и выступление Л.Г. Корнилова заставили финских политиков как можно быстрее изменить правовое положение Финляндии. 20 сентября 1917 г. Сенат подписал проект, в соответствии с которым законодательная и исполнительная власть осуществлялись независимо от России. Временное правительство сохраняло за собой осуществление внешнеполитической деятельности. Предусматривалось, что русские войска останутся в Финляндии до создания ею собственной армии⁵. Окончательное утверждение проект должен был получить как со стороны финского парламента, так и российского Учредительного собрания. 14 октября российское Юридическое совещание подготовило свой проект, предусматривавший сохранение власти генерал-губернатора и наличие поста президента Финляндии, в компетенцию которого входило бы решение вопросов внутреннего управления. Внешняя политика и безопасность оставались в исключительном ведении российского правительства, включая право размещать войска на территории Финляндии в мирное время. Несмотря на то что начавшиеся в октябре переговоры по проектам отразили готовность финской стороны к поиску обоюдновыгодного соглашения, к осени 1917 г. Временное правительство фактически утратило контроль над развитием политической ситуации в стране Суоми и над охваченными революционными настроениями российскими войсками на территории Финляндии⁶.

Новым этапом в решении вопроса об отделении Финляндии стала ноябрьская револю-

ция в России. Финский парламент, в котором после выборов власть перешла к мелкобуржуазным партиям, 6 декабря утвердил декларацию независимости Финляндии. Данный шаг, поддержанный всеми партиями, должен был не только гарантировать Финляндии безопасность, но и предотвратить сползание страны в пропасть гражданской войны, которая становилась все более вероятной по мере углубления раскола между буржуазным правительством П.Э. Свинхувуда и социалистами, на стороне которых выступили российские войска. Правительство Финляндии обратилось за международным признанием.

Американский консул в Хельсинки, передав обращение в посольство США в Петрограде, особо подчеркнул, что шведское правительство подталкивает Германию незамедлительно признать независимость Финляндии. По мнению дипломата, только незамедлительное признание со стороны США и других союзников могло предотвратить утверждение Германии в восточной Балтике⁷. Однако правительство США посчитало, что независимость Финляндии невозможно признать до созыва российского Учредительного собрания.

Российско-финляндские отношения правительство США рассматривало в свете развития военно-стратегической ситуации на Восточном фронте. Сильные прогерманские настроения в Финляндии и тесные довоенные экономические и политические связи двух стран усиливали опасения официального Вашингтона в том, что новое государство станет германским протекторатом. Кроме того, предоставление дипломатического признания национальным правительствам, возникшим на территории бывшей Российской империи, могло серьезно повлиять на реализацию американской концепции послевоенного переустройства в Европе, которая предполагала решение вопроса о международно-правовом статусе и границах новых государств посредством Лиги наций.

Представители буржуазного правительства Финляндии поехали во все европейские державы с целью добиться дипломатического признания и помощи в условиях начинавшейся гражданской войны и катастрофической нехватки продовольствия. В конце декабря 1917 г. финские представители встретились с президентом шведского рейхстага и королем Швеции. Они попросили о предоставле-

⁵ Кетола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6. URL: <http://reftrend.ru/247859.html>

⁶ См. подробнее: Воронов С.Н. Национальный вопрос в правовой политике Временного правительства России в 1917 г. // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 2. С. 116–127.

⁷ State Dept. to Embassy — St. Petersburg. December 13. Russia: From Czar to Commissars, 1914–1918. r. 5.

нии дипломатического признания и оказании военной помощи по выдворению русских солдат с территории Финляндии. Шведский король заявил, что решение этого вопроса будет зависеть от позиции России и других великих держав⁸. Президент рейхстага прямо заявил финским представителям, что любое вмешательство Швеции в развитие событий в Финляндии сопряжено с утратой ею статуса нейтральной державы и может иметь для Швеции пагубные последствия⁹. Переговоры были прерваны. Финские делегаты направились из Стокгольма в Берлин, Лондон и Вашингтон. Однако вскоре шведское правительство изменило свою позицию, решив предоставить Финляндии дипломатическое признание, за ним последовали правительства Дании и Норвегии. Король Норвегии приветствовал Финляндию как «независимую сестру среди скандинавских стран»¹⁰. Этот шаг вызвал неоднозначную реакцию у стран Антанты. Правительство США подтвердило, что не намерено в ближайшее время признавать Финляндию. Франция, напротив, предпочла опередить Германию и признать буржуазное правительство П.Э. Свинхувуда. В начале 1918 г. министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур информировал финских представителей, что признание финской независимости было одобрено его правительством, но официально еще не утверждено. По его словам, британское руководство ожидало, что в России утвердится то правительство, которому можно будет доверять в вопросе сохранения финской независимости¹¹. Возможность дипломатического признания социалистического правительства Финляндии ни одним из правительств западных держав не рассматривалась.

Наиболее значимым фактором, повлиявшим на политику иностранных держав в отношении Финляндии зимой 1918 г., стало развитие политической ситуации в России. Начало Гражданской войны не позволяло достоверно прогнозировать, какая политическая сила утвердится на территории бывшей империи. Будет ли это Советская власть, стремившаяся к сепаратному миру с Германией и активно поддерживавшая финских социалистов, или антибольшевистские силы, провозглашавшие верность союзническим обязательствам, но

выступавшие за сохранение Финляндии в составе России. В этих условиях правительство США подтвердило, что «не намерено признавать независимость ни одного государства до тех пор, пока русский народ отчетливо не выразит свою волю по этому генеральному вопросу»¹².

В январе 1918 г. на территории Финляндии развернулась гражданская война. По мнению американского консула в Хельсинки Т. Хейнса, анархия в Финляндии являлась результатом «действий социалистической и анархистской партий, поддержанных русскими солдатами, матросами и русской Красной гвардией, пораженных большевизмом и направляющих будущее Финляндии в интересах „рабочего класса“»¹³. Консул горячо ратовал за признание Финляндии Соединенными Штатами. Обращаясь в государственный департамент, дипломат указывал на то, что независимая Финляндия будет иметь огромное значение для развития торговли с Россией после войны, а ее немедленное признание обеспечит США симпатии Датско-Шведско-Норвежской лиги¹⁴.

27 февраля 1918 г. представители финского Сената прибыли в Вашингтон с верительными грамотами и просьбой о признании. Однако получили неофициальный ответ, что президент сможет рассмотреть проблему признания, как только в Финляндии установится порядок и прочная власть.

В условиях развернувшейся в Финляндии войны между лояльным буржуазному Сенату войсками и Красной гвардией обе стороны делали ставку на помощь извне. Революционное правительство Финляндии в начале марта 1918 г. заключило договор с советским правительством, для которого признание и военная помощь финляндским революционерам являлась необходимым условием последующего присоединения Финляндской Социалистической Рабочей Республики к РСФСР. Буржуазный Сенат обратился за помощью к Швеции и Германии. Стокгольм ограничился обещанием прислать добровольцев. Вместе с тем дипломаты союзных держав полагали, что активное участие Швеции в урегулировании конфликта

⁸ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: vol. 3. 1918. Russia. Washington, 1931. P. 738–739.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. P. 741.

¹¹ Ibid. P. 743.

¹² State Dept. to Embassy — St. Petersburg. January 15. Russia: From Czar to Commissars, 1914–1918. r. 9.

¹³ Consul Helsingfors to Embassy — St. Petersburg. February 5. Russia: From Czar to Commissars, 1914–1918. r. 5.

¹⁴ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: vol. 3. 1918. Russia. Washington, 1931. P. 743–744.

в Финляндии могло предотвратить дальнейшее финско-германское сближение¹⁵.

Немецкое правительство охотно согласилось предпринять интервенцию с целью подавления восстания в Финляндии и предоставить продовольственную помощь¹⁶. Благожелательная политика Германии способствовала тому, что среди финской политической элиты усилилось влияние монархистов, готовых не только пересмотреть вопрос о форме правления в Финляндии, но и пригласить на престол члена немецкой династии. Это вызвало негативную реакцию союзников. Франция разорвала дипломатические отношения с Финляндией. В ноте, переданной французским консулом, в резких выражениях говорилось, что Финляндии как королевству с немецким принцем на троне не стоит рассчитывать на поддержку союзников¹⁷.

7 марта 1918 г. в Берлине Финляндия подписала с Германией мирный договор. Он предусматривал, что Финляндия не может отдать часть своей территории или попасть в какую-либо зависимость от любой иностранной державы без предварительного соглашения с Германией¹⁸. По условиям Брестского мира Советская Россия вывела свои части из Финляндии и финские социалисты остались без поддержки. Хельсинки был захвачен немецкими войсками. Вооруженные силы Сената добились перевеса, и 15 мая 1918 г. гражданская война в Финляндии окончилась. Избранный парламентом на должность премьер-министра П.Э. Свинхувуд продолжил курс на сближение с Германией. 9 октября 1918 г. принц Фредерик Карл Гесенский был приглашен стать королем Финляндии. Однако последовавшая в ноябре капитуляция Германии исключила возможность правления в Финляндии немецкого монарха. Прогерманская партия в Финляндии оказалась в условиях изоляции со стороны союзников, которым теперь предстояло решить вопрос о международно-правовом статусе Финляндии на мирной конференции в Париже. Вместе с тем Финляндии было крайне важно заручиться поддержкой стран-победительниц не только в вопросе о независимости страны, но и в вопросе о границах финляндского государства. Под предлогом

защиты шведского населения Швеция взяла под свой контроль Аландские острова. Спорным оставался и вопрос о государственной принадлежности Восточной Карелии. Финляндское правительство стремилось решить эту проблему путем аннексии приграничных территорий и рассчитывало, что союзники санкционируют эту политику в обмен на участие финских войск в войне с большевиками.

Несмотря на то что к концу 1918 г. борьба за самоопределение финского народа окончилась созданием фактически самостоятельного государства во главе с буржуазным правительством, еще предстояло решить вопрос о дипломатическом признании независимости страны. В ходе подготовки к началу мирной конференции стало очевидным, что великие державы будут использовать «финский вопрос» для реализации своих проектов послевоенного переустройства, поскольку он являлся составной частью проблемы статуса и границ новых государств в Европе. Правительство США продемонстрировало готовность признать независимость Финляндии де-факто, но отказалось официально пригласить финскую делегацию на конференцию¹⁹. Правительство Великобритании еще в конце апреля 1918 г. выразило готовность признать независимость Финляндии до начала конференции при условии гарантий будущего нейтралитета страны, гарантии жизни и собственности подданных союзных стран, свободы передвижения британских подданных и товаров судов союзных стран в финских водах²⁰.

На встрече с регентом Финляндии К.Г. Маннергеймом осенью 1918 г. министр иностранных дел Франции С. Пишон заявил о готовности его страны возобновить прерванные отношения и посодействовать в решении вопроса о принадлежности Аландских островов. Также французское правительство выразило намерение способствовать признанию независимости Финляндии Великобританией и США²¹. Однако все это при условии удаления прогерманской элиты из властных структур и

¹⁵ Ibid. P. 743–746.

¹⁶ Маннергейм К.Г. Воспоминания. Минск, 2012. С. 107.

¹⁷ Там же. С. 135.

¹⁸ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: vol. 3. 1918. Russia. Washington, 1931. P. 791.

¹⁹ Фоглесонг Д.С. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 615.

²⁰ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: vol. 3. 1918. Russia. Washington, 1931. P. 781–782.

²¹ Маннергейм К.Г. Воспоминания. Минск, 2012. С. 138–139.

готовности следовать в фарватере политики великих держав в отношении России.

Стратегическое положение страны Суоми стало залогом всевозрастающей роли внешне-го фактора в вопросе о самоопределении финского народа и его политическом будущем. Борьба великих держав за влияние в регионе Балтийского моря и их стремление определить исход гражданского противостояния в России обусловили сохранение глубоких противоречий как в самом финляндском обществе, так и в отношениях финского государства с Россией и Германией в последующий период.

Литература

1. Воронов С.Н. Национальный вопрос в правовой политике Временного правительства России в 1917 г. / С.Н. Воронов // Правовая политика и правовая жизнь. № 2. С. 116–127.
2. Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия / Э. Иоффе. СПб.: Журнал «Звезда», 2005.
3. Кетола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему / Э. Кетола // Отечественная история. 1993. № 6. URL: <http://reftrend.ru/247859.html>
4. Маннергейм К.Г. Воспоминания / К.Г. Маннергейм. Минск: Попурри, 2012.
5. Молчанов Л.А. О межгосударственном размежевании России и Финляндии в 1917–1920 годах / Л.А. Молчанов // Международная жизнь. 2009. № 12. С. 122–134.
6. Новикова И.Н. Причины возникновения егерского движения в Финляндии в годы Первой мировой войны / И.Н. Новикова // Военно-исторический журнал. 2004. № 9.
7. Фоглесонг С.Д. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 / С.Д. Фоглесонг // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 602–626.
8. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: vol. 3. 1918. Russia. Washington: U.S. Government Printing Office, 1931.
9. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: vol. 3. 1919. Russia. Washington: U.S. Government Printing Office, 1936.

Правовое регулирование отношений землевладения и землепользования на территории Вооруженных сил Юга России в годы Гражданской войны

*Медведев Валентин Григорьевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Тольяттинского государственного университета,
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент
medvedeff_vg@rambler.ru*

Статья посвящена анализу правового регулирования землевладения и землепользования правительства генерала А. Деникина в годы Гражданской войны в России. Автор приходит к выводу о его несостоятельности ввиду неспособности законодателя юридически закрепить фактически произошедший в ходе Февральской революции 1917 г. переход помещичьих земель в собственность крестьян, что явилось причиной краха антисоветского государственного образования на юге России.

Ключевые слова: закон, землевладение, правительство, законотворчество, крестьяне, правовая политика.

Legal Regulation of Land Ownership and Land Use Relations within the Territory of Armed Forces of the South of Russia during the Civil War

*Medvedev Valentin G.,
Head of the State and Law History Department of the Tolyatti State University,
Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

Article is devoted the analysis of legal regulation of landed property and land tenure of the government of general A. Denikin in days of Civil war in Russia. The author comes to a conclusion about its inconsis-

tency in view of inability of the legislator legally to fix actually occurred during February 1917 of revolution transition of landowners' estates in the property of peasants that was at the bottom of crash of anti-Soviet state formation in the south of Russia.

Key words: law, land tenure, government, legislation, peasants, legal policy.

Как известно, главным вопросом русской революции, от решения которого зависела судьба будущей государственности России, являлся вопрос о земле, поскольку подавляющее большинство жителей страны составляли крестьяне. Из них в основном формировались армии как белых, так и красных, и от их поддержки напрямую зависели судьбы большевистского и альтернативных ему правительств, возникавших в тех или иных регионах бывшей Российской империи в ходе Гражданской войны.

Особую актуальность законодательное закрепление сложившихся на селе в результате «черного передела» отношений приобрело на юге России, где преобладало развитое помещичье землевладение. Однако попытка разработки и принятия «основного закона» о земле, над которым работали две специально созданные для этого комиссии, не увенчалась успехом. В связи с этим, с целью успокоения крестьянства в отношении временной гарантии их прав на захваченные у помещиков земли, правительство ВСЮР вынуждено было издавать текущие нормативные акты паллиативного характера, которые в какой-то степени сглаживали остроту противоречий между помещиками и крестьянами, что должно было обеспечить армию солдатами, а города продовольствием.

Так, в период наибольших военных успехов, когда войска Добровольческой армии вышли на просторы Украины и Центральной России, крестьяне согласно «Временным правилам о сдаче в аренду полевых угодий в местностях, находящихся под управлением Главнокомандующего ВСЮР», утвержденным Деникиным 27 сентября 1919 года, получили статус арендаторов. Однако это не устраивало крестьянские массы, как, впрочем, и проводившаяся в Советском государстве правовая политика продовольственной диктатуры. Однако большевики законодательно закрепили за крестьянами право безвозмездного владения и пользования землей, в то время как деникинское правительство оставляло «частновладельческие права помещиков на землю ... незыблемыми»¹.

В документе говорилось, что крестьяне-захватчики обладают правом владения част-

новладельческими землями на правах «длительной (до осени 1920 года) аренды». Размер арендной платы должен был составлять 1/5 среднего урожая хлеба в год, что в целом, по словам современников, не было обременительным для арендатора. В этой части «Временные правила» оказали непосредственное влияние на дальнейшее развитие аграрного законодательства генерала Врангеля. В его законе о земле, который был введен в Таврии в мае 1920 года, размер арендной платы — 1/5 среднего урожая хлеба — соответствовал утвержденному размеру выкупа земли в собственность².

Как и нормативно-правовые акты колчаковского правительства, «Правила» носили ярко выраженную направленность на развитие «крепкого» частного крестьянского хозяйства по столыпинскому типу. Законодатель предлагал предоставить домохозяину-единоличнику право аренды в три раза большей площади земли, чем хозяину-общиннику. «Временные правила», кроме всего прочего, призваны были показать крестьянам, что на таких основаниях государственная власть стремится к урегулированию поземельных отношений в масштабах всей страны. Действие данного нормативного акта распространялось и на губернии, еще не занятые деникинскими войсками — Саратовскую, Тульскую, Рязанскую, Калужскую, Могилевскую, Смоленскую.

Для смягчения в целом негативного эффекта, вызванного на селе появлением «Временных правил», правительство дополнило их Приказом Главкома ВСЮР № 167 от 26 сентября 1919 года, которым арендные отношения ставились под контроль государства с целью предоставления больших уступок крестьянству. Так, например, в «Правилах» не были определены «справочные цены» зерновых и корнеплодов при исчислении арендной платы. В условиях инфляции и роста рыночных цен землевладельцы требовали уплаты аренды натурой, что крестьянам было невыгодно. Приказ № 167 при отсутствии «добровольного соглашения» сторон фиксировал арендную плату в размере не более 200 рублей за десятину. Законодатель считал, что на период осени 1919 года это было незначительной сум-

¹ Собрание узаконений и распоряжений Особого совещания ВСЮР. 1919. № 27. Ст. 187; Сельская жизнь (Ростов н/Д). 1919. 6 декабря.

² Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922. С. 49.

мой и вполне должно было удовлетворять крестьян³.

О приверженности государственной власти белого Юга принципу неизблемости частной собственности на землю говорят и «Временные правила о порядке разрешения сделок на землю» от 13 июня 1919 года. Данный документ отменял Постановление Временного правительства от 12 июля 1917 года «О прекращении впредь до разрешения Учредительным собранием земельного вопроса, всякого рода сделок по покупке, продаже, дарению и залогу земель»⁴.

Принятием Постановления от 12 июля 1917 года законодатель преследовал цель предотвращения необыкновенно распространившейся в ходе революции земельной спекуляции и продажи частновладельческих угодий иностранцам. Однако в южных регионах страны — на Северном Кавказе и в Причерноморье, где преобладало зажиточное и среднее крестьянство, а также было много городских владельцев дачных участков, данный нормативный акт был принят враждебно, поэтому в populistских целях Особое совещание и пошло на его отмену.

Как представляется, это был недалекий шаг, поскольку с расширением территории ВСЮР в пределы Украины и Центрально-Черноземного района с развитым помещичьим землевладением данный нормативный акт стал приобретать классовое и политическое значение. В результате продажи помещиками своих имений иностранцам крестьяне стали терять захваченные в ходе «черного передела», а также арендованные земли, в результате чего стали активно дистанцироваться от антисоветской власти, действовавшей вопреки их законным интересам, и деникинское правительство лишилось самой массовой социальной опоры.

Принятием «Временных правил о порядке разрешения сделок на землю» законодатель преследовал еще одну цель — «постепенно, добровольного перехода частновладельческих земель к крестьянству» через их покупку при посредничестве специально восстановленного для этого Земельного банка⁵. Однако не учитывался уже имевшийся прецедент применения подобного закона на Украине, кото-

рый не дал гетманскому правительству желаемых результатов. В условиях экономической нестабильности нерегулируемый государством земельный рынок мог принести лишь небывалую земельную спекуляцию, что и подтвердила дальнейшая практика реализации данных «Правил»⁶.

Наиболее полно и последовательно текущее законодательство на территории ВСЮР регламентировало производство и сбор урожая 1919 года. Первым нормативным актом в данной сфере стал Приказ Главкома ВСЮР № 30 от 24 февраля 1919 года о подготовке к весенней посевной кампании⁷. Приказ был направлен на поднятие разрушенного революцией и войной сельскохозяйственного производства. Главным его содержанием являлись гарантии крестьянству в том, что «правительственная власть обеспечит всем (лицам), производящим яровой посев, сбор урожая в их пользу». В связи с этим и владельцам-собственникам, и крестьянам-захватчикам вменялось в обязанность «озаботиться своевременным обсеменением своих полей», а Управлению продовольствия предписывалось оказать им в этом деле всемерную помощь. Однако правительство по-прежнему не гарантировало крестьянам их владельческие права на приобретенные в ходе «черного передела» помещичьи земли.

Отсутствие гарантий прав собственности на землю отчасти компенсировалось материальной помощью «трудовому населению» со стороны государственной власти, о чем говорят утвержденные Деникиным 11 марта 1919 года «Правила выдачи ссуд на обсеменение полей в 1919 г.». Данным нормативным актом устанавливался беспроцентный характер ссуд, выдаваемых Государственным банком накануне посевных работ. Ко времени начала уборки урожая кредит мог быть увеличен, что, по мнению главы УЗиЗ, должно было стимулировать сельского производителя к развитию хозяйства и своевременному получению прибыли для покрытия ссуды⁸.

Размер ссуды определялся в зависимости от площади посева, но не более 90 рублей на десятину. В случае выполнения обязанностей по посеву посевику могла быть выдана дополнительная ссуда с таким расчетом, чтобы общий размер выданных ссуд не превышал

³ На Москву (Ростов н/Д). 1919. 21 октября.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Особого совещания ВСЮР. 1919. № 2. Ст. 11.

⁵ Временное Положение о Государственном Земельном Банке от 24 сентября 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений Особого совещания ВСЮР. 1919. № 18. Ст. 106.

⁶ Покровский Г. Деникинщина: год политики и экономики на Кубани. 1918–1919 гг. Берлин, 1923. С. 170–172.

⁷ Сельская жизнь (Ростов н/Д). 1919. 1 марта.

⁸ Собрание узаконений и распоряжений Особого совещания ВСЮР. 1919. № 24. Ст. 142.

150 рублей на десятину. 2 апреля 1919 года в связи с инфляцией «Правила» претерпели некоторые изменения. К выдаче ссуд стали привлекать и коммерческие банки. Размер ссуды увеличивался с 90 до 150 рублей на десятину перед началом сева и со 150 до 210 рублей — за месяц до начала уборки урожая. Однако ссуда выдавалась под залог земли, поэтому претендовать на ее получение могли только собственники⁹.

Однако данные меры мало способствовали восстановлению земледелия на юге России, так как с учетом роста инфляции и сезонного колебания цен на сельскохозяйственную продукцию ссуда могла и не покрыть всех издержек, связанных с уборкой урожая. Кроме того, при неисполнении обязательств по засеву посевики обязан был возвратить казне ссуду в двойном размере. В случае частичного невыполнения договора — удвоенную часть ссуды, соответствовавшую незасеянной площади.

По мнению современников, недосевы в условиях военного времени из-за нехватки рабочих рук, семян, тягловой силы и изношенности машин были обычным явлением. В связи с этим выдача ссуд под залог земли, как правило, грозила малоземельным хозяевам потерей собственного участка¹⁰.

Определенное значение для снабжения армии и тыла, а также привлечения крестьянства на свою сторону имели такие нормативно-правовые акты, как «Правила о сборе трав в 1919 г.» и «Правила о сборе урожая в местностях, находящихся под управлением Главнокомандующего ВСЮР», утвержденные Деникиным соответственно 22 и 26 июня 1919 года¹¹. Данные акты были приняты в тот момент, когда белые армии ВСЮР, добившись наибольших успехов (20 июня Деникин подписал «Московскую директиву»), входили в губернии и уезды с наиболее развитым помещичьим землевладением. Население данных регионов, испытывавшее на себе «законотворчество» (особенно на Украине) многочисленных оккупационных властей, насквозь было пропитано правовым нигилизмом и с настроенной враждебностью воспринимало любое покушение очередной власти на свои интересы.

Изданию «Правил о сборе урожая» предшествовал приказ Главкома ВСЮР № 87 от 22 июня 1919 года, в котором обязанность по

засеву земли и уборке яровых власть возлагала не только на собственников, но и на всех «действительных пользователей земли», то есть крестьян-захватчиков, в связи с чем гарантировались их права на снятие урожая¹². «Правительство обеспечит интересы засевики при уборке хлеба», — говорилось в приказе. Однако конкретные формы защиты не указывались.

Последнее объяснялось тем, что, по словам самого Деникина, в основу этих «Правил», как и всего текущего законодательства, были положены взаимоисключающие принципы. С одной стороны, «защита собственности (помещиков)» и, с другой — «неприкосновенность сложившихся в деревне взаимоотношений», т. е. учет интересов крестьян, захвативших эту собственность. В «Правилах» утверждалось, что «все посевы, произведенные на землях, не принадлежащих помещикам (имелись в виду захваченные крестьянами земли), составляют полную и неотъемлемую собственность тех лиц, трудом или средствами которых означенные посевы произведены». И здесь же говорилось, что «пользование землей... не создает для пользователей в дальнейшем никаких прав на владение и пользование землей»¹³.

На территории, находившейся под юрисдикцией ВСЮР, собранный урожай 1919 года согласно «Правилам» распределялся в следующей пропорции: зерновых — 2/3 фактическому посевику, 1/3 — владельцу земли («третий сноп»); корнеплодов, овощей, табака — 5/6 посевику, 1/6 землевладельцу, при этом весь урожай сахарной свеклы, посеянный на землях сахарных заводов, полностью передавался заводу, который обязан был уплатить «захватчикам за все произведенные работы и за семена». В случае отсутствия на момент уборки урожая владельца земли или посевики ответственность за его сбор возлагалась на волостного старшину, который должен был обязать для этого «членов ближайшего сельского общества», которые получали за работу половину урожая¹⁴.

«Правила о сборе трав» имели аналогичное содержание и отличались от «Правил о сборе урожая» лишь тем, что в «пользу зем-

⁹ Там же.

¹⁰ Кубанский кооператор (Екатеринбург). 1919. № 11. С. 30.

¹¹ Собрание узаконений и распоряжений Особого совещания ВСЮР. 1919. № 10. Ст. 55, 56.

¹² ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 110. Л. 108; Собрание узаконений и распоряжений Особого совещания ВСЮР. 1919. № 9. Ст. 54.

¹³ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: соч. в 4 т. Париж — Берлин, 1921–1925. Т. IV. С. 222–223.

¹⁴ Собрание узаконений и распоряжений Особого совещания ВСЮР. 1919. № 10. Ст. 55.

левладельца» поступала не 1/3 часть «собранного урожая трав», а его половина. В случае отсутствия землевладельца собранный урожай трав волостной старшина обязан был сдать воинским властям¹⁵.

Для разрешения конфликтов между посевицами и собственниками земли «Положением о мировых комиссиях» от 26 июня 1919 года создавались специальные третейские органы под председательством мировых судей. В комиссию входили выборные представители сельского общества и местного отдела «Союза земельных собственников» (при отсутствии землевладельцев их интересы представляла земская управа). Дела в комиссии должны были возбуждаться в соответствии с заявлениями лиц, «интересы которых (были) нарушены», и разбирались публично. Формально сти делопроизводства предельно упрощались. Задачей председателя было «постараться убедить тяжущиеся стороны к мировому разрешению спора». Решения принимались большинством голосов при решающем значении мнения председателя комиссии. Апелляции на решения комиссий не допускались, их отмена могла быть произведена только по небольшим (до 500 рублей) искам и при явном нарушении порядка делопроизводства¹⁶.

Однако желающих принимать участие в работе таких комиссий в условиях военного времени по понятным причинам (опасно) было мало, поэтому их формирование затягивалось. В связи с этим правительство вынуждено было осенью (4 октября) 1919 года внести изменения в «Положение об учреждении мировых комиссий». Согласно новой норме, разрешение всех споров, связанных с распределением урожая 1919 года, возлагалось на мировых судей¹⁷.

Учитывая спрос армии и городов на продовольствие, правительство задалось целью повысить заинтересованность крестьянства в увеличении сельхозпродукции. В связи с этим оно вынуждено было делать все новые уступки крестьянству, «незаконно пользовавшемуся частновладельческой землей, но поддерживавшему на ней хотя бы небольшое сельскохозяйственное производство».

¹⁵ Собрание узаконений и распоряжений Особого совещания ВСЮР. 1919. № 9. Ст. 56.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 110. Л. 111–115.

¹⁷ Собрание узаконений и распоряжений Особого совещания ВСЮР. 1919. № 10. Ст. 57.

Так, 13 сентября 1919 года Особое совещание приняло Постановление о новых «Правилах сбора урожая 1920 года», согласно которым труд «захватчиков» гарантировался значительным увеличением их доли собранной продукции и новыми способами расчета с землевладельцами. Это серьезно ограничивало права последних на урожай и принадлежавшие им земли и, как писали газеты, подготавливало почву для проведения кардинальной земельной реформы¹⁸.

Согласно новым «Правилам» на 1920 год у крестьянина должно было остаться: зерновых хлебов и масляных растений — 4/5 урожая; корнеплодов — 9/10, при этом посевищик имел право сам определять форму оплаты (натурой или деньгами по твердым ценам). Отменялся и контроль государства за сбором урожая через губернские власти и волостную администрацию, так как расплата с землевладельцами по новым правилам должна была осуществляться самим посевищиком в частном порядке¹⁹. Однако и данный нормативный акт не мог внести успокоения в крестьянский мир, который не устраивали никакие полумеры.

Таким образом, аграрное законодательство деникинского правительства, как и правительств других антисоветских государственных образований «белой» России, не смогло предоставить основной массе населения — крестьянству четкую и ясную основу справедливого реформирования поземельных отношений. В выборе между сохранением прав бывших собственников или предоставлением таких же правомочий крестьянам-захватчикам власть неизменно становилась на позицию защиты интересов помещиков.

Литература

1. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты : оч. в 4 т. / А.И. Деникин. Париж –Берлин, 1921–1925. Т. IV. С. 222–223.
2. Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле / Г.В. Немирович-Данченко // Факты и итоги. Берлин, 1922.
3. Покровский Г. Деникинщина : год политики и экономики на Кубани. 1918–1919 гг. / Г. Покровский. Берлин, 1923.

¹⁸ Россия (Курск). 1919. 6 октября ; Сельская жизнь (Ростов н/Д). 1919. 6 декабря.

¹⁹ СУРП ОС ВСЮР. 1919. № 22. Ст. 133.

Деятельность добровольных общественных организаций в правовой системе Советского государства во второй половине XX — начале XXI века

*Поляков Александр Иванович,
аспирант кафедры теории государства и права
частного образовательного учреждения
высшего образования «Международный юридический институт»
7197690@mail.ru*

В работе исследована деятельность добровольных народных дружин (ДНД) в советский и постсоветский периоды. Представлен авторский сравнительный анализ советского и современного российского законодательства, показана его специфика.

Ключевые слова: общественные, негосударственные организации, добровольные народные дружины, программа подготовки дружинников, закон РФ «Об участии граждан в охране общественного порядка», страхование народных дружинников.

Activities of Voluntary Non-Governmental Organizations in the Soviet State Legal System in the Second Half of the XX Century and in the Early XXI Century

*Polyakov Aleksandr I.,
Postgraduate student of the State and Law Theory Department
at Private Educational Institution of Higher Education International Law Institute*

The article says about the activity of non-government public groups, particularly voluntary people's guards (VPG) after the war and their revival in the post-war Russia. The author undertakes a retrospective analysis of the Soviet legislation regulating VPG work and compares it with the modern one specifying its characteristic features.

Key words: non-government public organizations, voluntary people's guards, member of people's guard training program, RF Law "On citizen participation in protection of public order", insurance of people's guards.

Деятельность общественных, негосударственных организаций в послевоенный период имела позитивные тенденции развития. Это отмечалось не только в реализации проектов на уровне судебной практики, но и в поиске новых общественных правоохранительных инициатив. Так, наряду с негосударственными судебными институтами в 1950-е годы получило развитие общественное движение, вошедшее в историю под аббревиатурой ДНД (добровольная народная дружина). Данная структура была создана по аналогии с осодмилом и бригадами, которые успешно функционировали в СССР в 1930–1940-е годы.

Дефиниция «добровольная народная дружина» в отечественной литературе трактуется исходя из ведомственных задач. В Большом юридическом словаре предлагается рассматривать данную категорию как «вид органов общественной самодеятельности, основанный на членстве, объединении граждан по содействию правоохранительным органам в обеспечении правопорядка. Действующий под руководством органов исполнительной власти или

местного самоуправления»¹. В энциклопедическом словаре конституционного права добровольная народная дружина рассматривается как «общественное объединение граждан, желающих участвовать безвозмездно в охране общественного порядка»².

Иногда употребляется более вольная трактовка понятия — «добровольная народная дружина рассматривается как общественная организация граждан РФ, призванная оказывать помощь государственным органам в установлении и поддержании правопорядка в стране».

Начало создания добровольных народных дружин было положено в апреле 1946 г. после расформирования ГООП (групп охраны общественного порядка) и восстановления деятельности бригад содействия милиции, которые получили новый порядок устройства. В соответствии с ним организация деятельности и управление бригадами сосредоточива-

¹ Большой юридический словарь. М., 2003.

² Энциклопедический словарь конституционного права. М.: Норма, 2000.

лись в низовом звене органов милиции. Впоследствии БРИГАД Милы были упразднены и вместо них сформирована добровольная народная дружина.

Идея создания ДНД базировалась на политических и прагматических интересах государства. Как отмечала О.В. Рыбалка, «предлагалось, что с переходом страны на новую стадию своего развития — коммунизм — государство отомрет и на смену ему придут институты общественного самоуправления такого типа, как ДНД. В действительности же, используя их, власть стремилась к созданию общества „всеобщего послушания“, находящегося в тисках системы общественных организаций трудящихся, руководимых КПСС и исполняющих ее волю. Именно через эти псевдогражданские общественные институты осуществлялся повседневный социальный контроль над гражданами. Складывалась система ограниченного общественного самоуправления, при которой общество не могло в рамках однопартийной системы развивать „коммунистическое самоуправление“ как главный фактор гражданского общества. Это создавало видимость общественной активности, посредством которой якобы реализовывались общественно-значимые цели, формируемые партийно государственным аппаратом. Народные дружины, таким образом, представляли собой одну из многочисленных организационных форм мифической социально-политической „активности населения“»³.

Данная точка зрения имеет право на существование, однако необходимо учитывать и факт реализации инициатив трудящихся, которые действительно активно боролись с хулиганством и преступностью. Так, в 1958 г. рабочие ряда предприятий Ленинграда создали добровольные народные дружины по охране общественного порядка. Почин получил широкую огласку, в результате чего ЦК КПСС и Совет министров СССР 2 марта 1959 г. приняли Постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране», которое впоследствии регламентировало деятельность ДНД до середины 1970-х годов. Учитывая то, что милиция, прокуратура и суды постоянно подвергались критике за низкий уровень организации профилактической работы по предупреждению преступности, а также недостаточную раскрываемость преступле-

ний, партия и правительство приняли решение об активизации деятельности общественности по охране правопорядка и профилактике правонарушений.

Активизация деятельности народных дружинников породила ответную реакцию со стороны антиобщественных элементов, которые оказывали им яростное сопротивление. В этой связи в феврале 1962 г. было принято Постановление Президиума ВС СССР «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников». В нем говорилось: «...Злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции или народного дружинника, а также военнослужащего при исполнении ими обязанностей по охране общественного порядка наказывается: штрафом от десяти до пятидесяти рублей или исправительными работами на срок от одного до двух месяцев с удержанием двадцати процентов заработка, а в случае, если по обстоятельствам дела, с учетом личности нарушителя, применение этих мер будет признано недостаточным, — арестом на срок до пятнадцати суток — по постановлению народного судьи»⁴. В конце 1962 г. дружинники помимо патрулирования осуществляли охрану общественного порядка в микрорайонах при жилищных конторах в областных центрах.

На протяжении тридцати лет партия и правительство с определенной периодичностью обращали внимание на работу ДНД. В средствах массовой информации осуществлялась активная пропаганда их деятельности. В партийных организациях проводились собрания коммунистов по вопросам привлечения молодежи к охране общественного порядка, а в 1974 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах ДНД по охране общественного порядка», в котором говорилось: «В условиях развитого социалистического общества, больших экономических и социальных преобразований в нашей стране все более важное значение приобретает задача формирования сознательности и чувства высокой ответственности каждого гражданина перед обществом, обеспечения дисциплины и организованности, всемерного укрепления социалистического правопорядка и законности.

В решении этой задачи наряду с государственными органами и общественными организациями важная роль принадлежит добровольным народным дружинам. Созданные по инициативе трудящихся, народные дружины

³ Рыбалка О.В. Общественная активность в СССР в начале 1960-х — второй половине 1970-х гг.: формирование и развитие добровольных народных дружин: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2010. С. 12.

⁴ Ведомости ВС СССР. 1962. № 17. Ст. 177.

активно участвуют в работе по укреплению общественного порядка, ведут борьбу с нарушениями правил социалистического общежития и другими антиобщественными проявлениями. Своей деятельностью они заслужили авторитет и признательность у широких масс населения.

Работа добровольных народных дружин, объединяющих в своих рядах тысячи передовых и сознательных граждан, служит ярким примером демократизма советского строя, основанного на широком и всевозрастающем участии трудящихся в государственной и общественной жизни страны»⁵.

По состоянию на 1970 г. в СССР действовали 100 тысяч народных дружин. В начале 1972 года численность дружинников увеличилась до 7 миллионов человек. В результате их работы в 1971 г. было задержано свыше 5000 преступников, предотвращено значительное количество правонарушений.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 мая 1974 г. № 379 «О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка» руководство добровольными народными дружинами было передано Советам народных депутатов и их исполнительным и распорядительным органам. Дружинникам предоставлялось право составления протоколов о правонарушениях и разрешалось доставлять нарушителей общественного порядка в территориальные органы милиции. В особых случаях районные, городские, сельские, поселковые штабы могли создавать специализированные дружины или специализированные группы в составе дружин по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, по обеспечению безопасности дорожного движения и по другим направлениям деятельности добровольных народных дружин.

Позднее, основе анализа опыта деятельности дружин Министерством внутренних дел СССР и Министерством юстиции СССР была разработана единая 24-часовая программа подготовки дружинников. В 1970-е годы произошло территориальное закрепление мест патрулирования и созданы штабы народных дружин, которые координировали их деятельность⁶.

Начиная с 1984 года в некоторых городах действовали так называемые специализированные дружины, выполнявшие специфиче-

ские задачи. Например, в Москве и Ленинграде были созданы дружины по охране правопорядка на воде. В Киеве действовали дружинники, занимавшиеся борьбой с радиохулиганами. В Ярославле функционировала добровольная организация дорожно-патрульной службы, насчитывавшая более 150 автолюбителей и мотоциклистов. В Горьковской области была создана специализированная дружина служебного собаководства.

Как отмечают официальные источники, в 1985 г. в СССР функционировало 282 тысячи дружин, насчитывавших более 13 миллионов членов. Только в Москве было свыше полумиллиона дружинников. Их деятельность охватывала городские и сельские территории, мелкие и крупные предприятия, высшие и средние профессиональные учебные заведения.

После распада Советского Союза добровольные народные дружины перестали существовать и официально возродились лишь после выхода в свет 2 апреля 2014 г. Федерального закона РФ № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», который создал правовые условия для добровольного участия граждан Российской Федерации в охране общественного порядка.

Тем не менее деятельность общественных организаций по охране правопорядка проводилась и до выхода в свет вышеназванного закона. В качестве правового основания применялись нормы, содержащиеся в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в п. 33 ч. 1 ст. 14 отмечалось: «Создание условий для деятельности добровольных формирований населения по охране общественного порядка отнесено к вопросам местного значения поселения».

Также использовался п. 37 ч. 1 ст. 16 названного закона, согласно ему «к вопросам местного значения городского округа относится создание условий для деятельности добровольных формирований населения по охране общественного порядка», а ч. 2 ст. 17 устанавливала, что «органы местного самоуправления поселений и органы местного самоуправления городских округов вправе в соответствии с уставами муниципальных образований принимать решение о привлечении граждан к выполнению на добровольной основе социально значимых для поселения и городского округа работ (в том числе дежурств) в целях решения вопросов местного значения поселений, предусмотренных пунктами 7.1–9, 15 и 19 части 1 статьи 14 настоящего Федерального закона, и вопросов местного значения городских округов».

⁵ Ведомости ВС СССР. 1974. № 31. Ст. 470.

⁶ Дружина народная // Большая советская энциклопедия / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 8. С. 512.

гов, предусмотренных пунктами 7.1–11, 20 и 25 части 1 статьи 16 настоящего Федерального закона».

В соответствии с названным законом для создания ДНД требовалось соблюсти два условия:

1) иметь в наличии нормативные правовые акты, регулирующие деятельность ДНД на уровне субъекта Российской Федерации (по состоянию на 2011 год подобные акты были приняты в 62-х субъектах РФ);

2) иметь нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность ДНД на уровне отдельных муниципальных образований (городских, сельских поселений).

Каждый субъект РФ мог формировать свой порядок организации народных дружин. Например, в Липецкой области был принят закон от 6 июня 2007 года № 63-ОЗ «О народных дружинах в Липецкой области», на основе которого органы местного самоуправления имели право принимать положения о ДНД и положения о штате ДНД.

При отсутствии урегулирования деятельности ДНД существовала возможность использования законодательных органов субъектов или органов местного самоуправления для принятия соответствующего закона. Действовавшее законодательство не запрещало организовывать ДНД в виде общественных объединений.

После выхода Федерального закона РФ № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», в апреле 2014 г., ситуация в этой области резко изменилась в лучшую сторону. В обществе утвердились правовые принципы и основные формы участия граждан в охране общественного порядка, в поиске лиц, пропавших без вести. Были определены особенности создания и функционирования общественных объединений правоохранительной направленности. Новизной данного закона можно считать то, что в нем впервые было сформулировано понятие «общественное объединение правоохранительной направленности». В данном законе оно толковалось как «не имеющее членства общественное объединение, сформированное по инициативе граждан для участия в охране общественного порядка»⁷.

Вслед за законом появился приказ МВД России «О Порядке формирования и ведения регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности»⁸.

⁷ Там же.

⁸ Приказ МВД России от 21 июля 2014 г. № 599 «О Порядке формирования и ведении регионального реестра народных дружин и обще-

В документе появилось осовремененное определение дефиниции «народная дружина», которая трактовалась как «основанное на членстве общественное объединение, участвующее в охране общественного порядка во взаимодействии с органами внутренних дел (полицией) и иными правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления»⁹.

Отличался закон и тем, что в нем впервые было раскрыто понятие «реестр народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности в субъекте Российской Федерации» (далее также — региональный реестр). Предлагалось эту категорию рассматривать как «информационный ресурс, содержащий сведения о народных дружинах и об общественных объединениях правоохранительной направленности, созданных на территории субъекта Российской Федерации»¹⁰.

В отличие от аналогичных предшествовавших документов, в данном законе появилась ст. 11, раскрывавшая позицию участия граждан в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности. Названная статья определяла правовую форму общественных объединений правоохранительной направленности, создаваемых «в форме органа общественной самодеятельности без образования юридического лица»¹¹.

В законе уточнялись основные направления деятельности общественных объединений правоохранительной направленности, к которым относились: содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка; участие в предупреждении и пресечении правонарушений; распространение правовых знаний, разъяснение норм поведения в общественных местах.

Названный нормативно-правовой акт впервые в ст. 21 подробно регламентировал источники материально-технического обеспечения деятельности народных дружин. В законе определялось, что «материально-техническое обеспечение деятельности народных дружин осуществляется за счет добровольных пожертвований, а также иных средств, не запрещенных законодательством Российской Федерации».

ственных объединений правоохранительной направленности». URL: <http://base.garant.ru/70719382/#ixzz3cZpjylUM>

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Допускалось также участие «органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, которые могут выделять средства на финансирование материально-технического обеспечения деятельности народных дружин, предоставлять народным дружинам помещения, технические и иные материальные средства, необходимые для осуществления их деятельности»¹².

Принципиально важный момент был изложен в ст. 26, где говорилось, что «органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления могут осуществлять личное страхование народных дружинников на период их участия в проводимых органами внутренних дел (полицией) или иными правоохранительными органами мероприятиях по охране общественного порядка, устанавливать дополнительные льготы и компенсации для народных дружинников, гарантии правовой и социальной защиты членов семей народных дружинников в случае гибели народного дружинника в период участия в проводимых органами внутренних дел (полицией) или иными правоохранительными органами мероприятиях по охране общественного порядка, а также использовать иные формы их материальной заинтересованности и социальной защиты, не противоречащие законодательству Российской Федерации».

Страхование народных дружинников — это первая в истории России инициатива, направленная на обеспечение социальной защиты членов общественных объединений правоохранительной направленности, которая стимулировала разработку и внедрение в ряде субъектов РФ «Положений о порядке и условиях страхования народных дружинников за счет средств бюджетов муниципальных образований»¹³. Страхование народных дружинников в 2014 г. было организовано в Алтайском крае¹⁴, Удмуртии¹⁵, в городах Калуга¹⁶, Тюмень¹⁷, Иркутской области¹⁸ и др.

¹² Там же.

¹³ URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/53226907/69208431>

¹⁴ Там же.

¹⁵ URL: <http://www.izh.kp.ru/online/news/1984779>

¹⁶ URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/53226907/69208431>

¹⁷ URL: http://www.gofin.ru/insurance/e_insurance/15578

¹⁸ URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/53226907/69208431>

Подводя итог, можно констатировать, что деятельность советского правительства в послевоенный период была направлена на создание условий для успешной работы негосударственных организаций, осуществлявших судебную и правоохранительную деятельность, к которым относились общественные суды, суды чести, товарищеские суды, а также добровольные народные дружины. Создавая названные организации, государство преследовало сугубо прагматические задачи, направленные на разгрузку судов от малозначительных дел, вовлечение активной части общества в деятельность по охране общественного порядка, пропаганду так называемого советского правопорядка, основанного на социалистической законности. Вплоть до распада СССР названные организации функционировали с определенной долей успеха, о чем свидетельствовали показатели их деятельности. В этот период была сформирована советская нормативно-правовая база, регламентировавшая деятельность всех вышеречисленных организаций. Тем не менее в законе «О судостроительстве РСФСР» 1981 г. об общественных судах упоминания не было. Только спустя десятилетия после развала советского общества были восстановлены общественные правоохранительные институты и подготовлена иная регламентирующая их деятельность законодательная база, которая способствовала качественному изменению организационно-правовых и социальных аспектов деятельности негосударственных судебных институтов и народных дружинников.

Литература

1. Большой юридический словарь / А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева [и др.]. М. : Инфра-М, 2003.
2. Энциклопедический словарь конституционного права. М. : Норма, 2000.
3. Рыбалка О.В. Общественная активность в СССР в начале 1960-х — второй половине 1970-х гг. : формирование и развитие добровольных народных дружин : автореф. дис. ... канд. истор. наук / О.В. Рыбалка. Санкт-Петербург, 2010. С. 12.
4. Ведомости ВС СССР. 1962. № 17. Ст. 177.
5. Ведомости ВС СССР. 1974. № 31. Ст. 470.
6. Дружина народная // Большая советская энциклопедия / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1972. Т. 8. С. 512.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан

- в охране общественного порядка». URL : <http://www.rg.ru/2014/04/04/poryadok-dok.html> (дата обращения : 12.03.2015).
8. URL : <http://docs.pravo.ru/document/view/53226907/69208431> (дата обращения : 01.03.2015).
9. URL : <http://www.insur-info.ru/press/97224> (дата обращения : 10.05.2015).
10. URL : <http://www.izh.kp.ru/online/news/1984779> (дата обращения : 11.02.2015).
11. URL : <http://docs.pravo.ru/document/view/53226907/69208431> (дата обращения : 24.04.2015).
12. URL : http://www.gofin.ru/insurance/e_insurance/15578 (дата обращения : 12.04.2015).
13. URL : <http://docs.pravo.ru/document/view/53226907/69208431> (дата обращения : 01.04.2015).

Унитаризация или федерализация? Поиск путей создания германской государственности после 1815 г.

*Баев Валерий Григорьевич,
заведующий кафедрой «Трудовое и предпринимательское право»
юридического института
ФГБОУ ВПО «Тамбовского государственного технического университета»,
доктор юридических наук, профессор
baev@nnt.tstu.ru*

*Воликова Ирина Александровна,
магистрант юридического института
ФГБОУ ВПО «Тамбовского государственного технического университета»
pravo@admin.tstu.ru*

В предлагаемой статье идет речь о различных путях становления германской государственности после поражения Наполеона. Авторы показывают, что национальное движение в Германии требовало создания единого государства. Однако обстоятельства длительной политической раздробленности вместе с внешним фактором давления допустили только вариант федеративного построения германского государства.

Ключевые слова: национализм, акты Венского конгресса, форма правления и форма государственного устройства.

Unitarization or Federalization? Looking for Ways of the German Statehood Formation after 1815

*Baev Valeriy G.,
Head of the Labor and Entrepreneurial Law Department at the Institute
of Law of FSBEI HPE Tambov State Technical University,
Doctor of Law, Professor*

*Volikova Irina A.,
Master's student of the Institute of Law
of FSBEI HPE Tambov State Technical University*

In this article, refers to the various ways of becoming German state after the defeat of Napoleon. The authors show that the national movement in Germany required the creation of a single state. However, the circumstances of prolonged political fragmentation, together with external pressures only allowed option of constructing a federal German state.

Key words: nationalism, acts of the Congress of Vienna, the form of government and form of government.

После вступления в 1815 г. союзных войск в Париж победителями был подписан прото-

кол о созыве в двухмесячный срок Венского конгресса, в дальнейшем названного «ос-

новоположником европейского концерта» [1, с. 67–68]. В 107 из 121 параграфа Венского договора определялись условия территориального устройства Европы; германский вопрос был ключевым. Ядро переговоров складывалось из двух пунктов: регулирование владений и определение границ, а также — что особенно важно для нас — определение формы правления. Второй пункт определял взаимоотношения германских государств и административное переустройство Германии. Покорители Наполеона оказались вынужденными тем не менее закрепить результаты Французской буржуазной революции. Слово «конституция» стало означать не только государственное устройство вообще, а установленные «способы обеспечения права» [2, с. 22, 25].

Воля монархов на Венском конгрессе нашла юридическое закрепление в Заключительном акте от 28 мая (9 июня) 1815 г. и приложениях к нему. Предложение прусского посланника на конгрессе Гарденберга создать в Германии федерацию во главе с Пруссией и Австрией не встретило понимания. В этом случае усилия прусской дипломатии были переориентированы на создание объединения с решающей ролью Пруссии. Однако борьба за гегемонию между Австрией и Пруссией не привела к успеху ни одну из сторон. В результате была найдена компромиссная форма германской государственности: 8 июня 1815 г. подписан акт о создании германской конфедерации (именуемой иногда Германским Союзом) [3, S. 63–69]. Австрия и Пруссия оставались крупнейшими государствами Союза.

По своей правовой сущности Германский союз являлся международным союзом монархов, объединяя в своих границах 34 княжества и 4 «вольных» города. Цель такого объединения — «сохранение внешней и внутренней безопасности германских государств и обеспечение их независимости и неприкосновенности» (ст. II Союзного акта). Сецессия из Союза не предусматривалась, а прием новых членов требовал единогласного решения всех участников. Не имея действительной законодательной, исполнительной и юридической власти над гражданами, Союз был скорее «ослабленной» федерацией суверенных княжеств или государств, чем действительно федеративным государством. Между государствами не существовало единого законодательства, единой армии, общих финансов, общего дипломатического представительства. Верховный орган Германского союза — Союзный сейм располагался во Франкфурте-на-Майне.

Его депутаты являлись представителями государств, а не народа. Постоянным председателем в сейме был уполномоченный от Австрии. Таким образом, «Германии» как государства не было ни в политическом, ни в географическом смысле.

Не было единства и в вопросе о том, будет ли Германия централизованным государством или федерацией, республикой или монархией. Среди германских государств были две европейских державы, взаимная подозрительность и соперничество которых усложняли поиски решения, соответствовавшего целям сторонников объединения. Часть их склонялась к «великогерманскому» варианту, предполагавшему включение австрийских владений, другие были за «малую Германию», без Австрии, с объединением вокруг Пруссии.

Равновесие сил на политической карте Германии между Пруссией и Австрией, а также историческое наследие политической раздробленности привели к формированию федеративного государственного устройства, конституционное закрепление которого сопровождалось ожесточенной борьбой сторонников партикуляризма и централизма, с одной стороны, Пруссии и Австрии за главенство в федерации, с другой. Иными словами, на карте Центральной Европы появился «союз, лишенный действительной законодательной, исполнительной и юридической власти над гражданами и представлявший собой „ослабленную“ федерацию суверенных княжеств или государств, чем действительно федеративное государство» [4].

Германский федерализм. Федеративное устройство, будучи впервые закрепленным в конституции Северогерманского союза 1867 г., затем последовательно воспроизводилось конституциями Германской империи 1871 г. и Веймарской республики 1919 г. Незыблемость и прочность федеративного принципа германского конституционализма свидетельствуют о том, что основа федеративного устройства, заложенная после принятия Союзного акта в 1815 г., не была поколеблена. По форме принцип федерализма не оспаривался, но изменения по содержанию приближали страну к унитарному типу устройства.

Попыткой подойти к унитарному государству явился созданный в 1833 г. по инициативе Пруссии Таможенный союз. В него вошли около двадцати государств — членов Германского союза, которые договорились об отмене таможенных границ и установлении общих сборов и пошлин на ввозимые (в том числе герман-

ские) товары. Вхождение Австрии в Таможенный союз с самого начала было заблокировано Пруссией. Создание Таможенного союза означало реальный шаг на пути «формирования под эгидой Пруссии единого общегерманского рынка, наивысшую ступень, до которой была когда-либо доведена централизация Германии» [5, с. 14]. Но, очевидно, это был предел «унитаристских мечтаний».

Очевидная беспомощность Германского союза, его конфедеративного устройства в вопросах реального экономического объединения страны, очевидная нереализуемость унитарного объединения со всей остротой поставили в повестку дня проблему федеративного союза. «...Неспособность Германского союза решить стоящие перед ним политические, хозяйственные и социальные проблемы не только усилила стремление к образованию федеративного государства, но, прежде всего, дискредитировала „союз государств“ в глазах выступавших за национальное единство немцев. Идея федерализма распространялась чрезвычайно быстро» [6, S. 79]. Отсутствие только одного единства взглядов относительно конкретной правовой модели будущего федеративного государства.

18 мая 1848 г. Союзный сейм под влиянием революционных выступлений широких народных масс почти во всех государствах — членах Германского союза созвал во Франкфурте-на-Майне Национальное собрание — орган, наделенный учредительными полномочиями. Две трети членов этого органа из общей численности в 600 депутатов составляли представители Австрии и Пруссии [7, с. 94]. Политические взгляды этих представителей отражали интересы германских буржуазно-либеральных кругов. Признавая невозможность дальнейшего функционирования Германского союза, либералы Франкфуртского Национального собрания в то же время подчеркивали необходимость сохранения прежних политических порядков и собственно немецких феодальных, полufeодальных государственных образований в будущей Германии. Левое и крайнее левое крылья Франкфуртского собрания (Франкфуртская левая и Радикально-демократическая партии) выступили с манифестами, которые предусматривали, что Германия должна быть превращена в союзное (федеративное) государство. При этом в манифесте радикально-демократической партии предлагалось скопировать опыт США и закрепить статус субъектов новой немецкой федерации за всеми бывшими членами Германского сою-

за, причем ни границы, ни формы правления этих государств изменять не предполагалось. Такое «слепое» копирование североамериканской модели федерализма в условиях Германии совершенно не учитывало двух важных обстоятельств, отличавших США от Германии: того, что все субъекты североамериканской федерации политически были устроены одинаково и что территория США во много раз превосходила территорию Германии. В Германии же разнородность и пестрота политического устройства бывших членов Германского союза представляли практически непреодолимое препятствие на пути к добровольному объединению государств в федерацию. «Непонятно, каким образом Радикально-демократическая партия могла бы провозгласить в качестве окончательного государственного устройства Германии федерацию конституционных монархий, карликовых княжеств и крошечных республик, составленное из столь разнородных элементов союзное государство с республиканским правительством во главе...» [8, с. 41].

Конечно, нетрудно разглядеть в приведенных суждениях Ф. Энгельса относительно взаимосвязи размеров территории и федеративного устройства экономический «монизм», чересчур явное и не всегда обоснованное подчеркивание роли экономического фактора (единого рынка) для решения вопроса в пользу федеративного устройства в период его становления. Точно так же далеко не бесспорна оценка Ф. Энгельсом федерации в качестве «помехи» экономическому развитию восточного побережья США в последней трети XIX в., то есть в условиях уже сложившегося капиталистического рынка.

20 октября 1848 г. конституционный комитет представил на обсуждение Франкфуртского собрания доклад, в котором федерация рассматривалась в качестве наиболее приемлемой формы территориально-политического устройства Германии. Против этого проекта резко выступили Пруссия, Австрия и некоторые южно-германские государства. В циркулярной депеше прусским посланникам при немецких правителях от 23 января 1849 г. подчеркивалась недопустимость включения в состав федерации Австрии и отмечалось, что не исключается возможность создания в Германии союза государств (Staatenbund). Пруссия согласилась с созданием федерации, включающей территорию Германского союза, и конфедерации, связывающей эту федерацию с немецкими областями в Дании и Голландии. Австрийское правительство в депеше от

4 февраля 1849 г. своему уполномоченному во Франкфурте признало необходимость «обновления» Германии, но отклонило предложение о создании федерации.

28 марта 1849 г. Франкфуртское Национальное собрание приняло конституцию Германской империи, в которой о федерации прямо ничего не говорилось. Тем не менее в ряде статей были предприняты попытки закрепить некоторые федеративные структуры объединенной Германии. Так, § 1 главы 1 раздела 1 Конституции предусматривал, что «Германская империя состоит из территории прежнего Германского Союза», а в § 5 утверждалось, что «отдельные немецкие государства сохраняют свою самостоятельность, поскольку последняя не ограничивается имперской конституцией. Они имеют все государственные почести и права, поскольку такие прямо не переданы имперской власти». Главой империи Конституция признавала «императора германцев», титул которого должен был носить один из германских монархов. Свообразным отражением федеративных притязаний являлась закрепленная Конституцией двухпалатная структура общеимперского рейхстага: нижняя «палата народов» в соответствии с § 94 Конституции должна была избираться всеобщим голосованием во всех частях империи на три года пропорционально количеству населения в каждом германском государстве, верхняя «палата государств» составлялась из уполномоченных отдельных государств. К ведению центральных органов империи Конституция относила все важнейшие вопросы внешней политики: вооруженные силы, единый бюджет, единые монетную и таможенную системы, налоги и т. д. За правителями государств — членами империи оставались вопросы местного значения (полиция, дороги, торговля, культура и т. д.).

28 апреля 1849 г. прусский король Фридрих-Вильгельм IV в своей ноте Франкфуртскому собранию, не отказавшись безоговорочно от короны «императора германцев», тем не менее поставил свое согласие в зависимость от «свободного соглашения коронованных правителей, князей и вольных городов Германии». Прусский монарх маневрировал, пытаясь определить, насколько реально осуществим для Пруссии конституционный проект создания германского союзного государства. Мнение прусского юнкерства по этому поводу резко сформулировал новоиспеченный, но уже достаточно известный член прусского ландтага О. Бисмарк: «Франкфуртская корона, может быть, очень блестяща, но зо-

лото, которое делает блеск подлинным, должно быть еще добыто посредством впавления прусской короны, и я не верю, что переплавка в форме этой конституции удастся». Речь шла о том, что обращенное Конституцией 1849 г. к будущему императору требование объединения Германии было для Пруссии в тот момент совершенно непосильно и могло существенно ослабить прусскую корону. Австрия также не захотела взять на себя бремя германского объединения. Вслед за этим конституцию отвергли и другие германские правительства.

Основной причиной отказа мелких государств — членов Германского союза поддержать аморфную федеративную структуру, предусмотренную Конституцией 1849 г., стало опасение попасть в зависимость от Пруссии. Каких-либо гарантий равноправного положения субъектов в составе империи Конституция 1849 г. не содержала.

Новая фаза борьбы за объединение Германии началась с постепенного вытеснения Пруссией Австрии с политической арены. Учитывая противодействие большинства германских правительств попыткам установления прусского господства, король Пруссии заключил в конце мая 1849 г. унию с монархами Саксонии и Ганновера. Речь шла о создании союза трех монархий (без Австрии) во главе с прусским королем в качестве императора и при сохранении суверенных прав двух других германских монархов. Отношения с Австрией должны были строиться на основе международного союзного договора. К осени 1849 г. к унии присоединилось большинство средних и мелких германских государств, которым Пруссия обещала военную помощь в обуздании революционно настроенного народа. Проект унии был поддержан правым крылом немецких либералов, которые, собравшись в июне 1849 г. в Готе, официально одобрили идею унии и план проведения выборов в ее парламент.

Созданию унии решительно воспротивилась Австрия, а вслед за ней Бавария и Вюртемберг. Средние и мелкие государства, правители которых избавились от страха перед революцией и не нуждались уже больше в прусской военной помощи, стали усматривать реальную угрозу со стороны Пруссии своим правам суверенов. В заседаниях парламента унии в Эрфурте отказались участвовать Саксония и Ганновер. Против унии выступили крупные европейские державы, не желавшие чрезмерного усиления Пруссии. Несмотря на это, «Эрфуртский парламент» занялся разработкой конституции унии, которая предусматривала установление полной прусской гегемонии.

Так, за прусским королем закреплялась должность председателя Союзного совета из четырех представителей других правительств, ему единолично предоставлялись право законодательной инициативы и право осуществления исполнительной власти. Остальные германские монархи «образовывали первую палату парламента унии, которая существовала наряду со второй, выборной палатой».

Разработанная конституция унии была принята «Эрфуртским парламентом», но так и не вступила в силу. В конце апреля 1850 г. парламент прервал свою работу и больше не собирался. Столь же неудачно сложилась судьба так называемого мюнхенского проекта реформы Германского союза, разработанного в Баварии в 1850 г. Предполагалось создать Законодательное собрание из 300 представителей, избираемых непосредственно населением союзных государств. Законодательные полномочия собрания, по мысли авторов проекта, делегировались ему субъектами Союза, который лишался права вторжения в суверенные права союзных государств. По сути, под флагом «сохранения и упрочения» Союза предлагалось укрепить центробежные, партикуляристские позиции в союзных государствах. Проект был отвергнут Пруссией и Австрией из-за явного стремления умалить роль и значение монархов этих государств в будущем «обновленном» Германском союзе.

Безрезультатность попыток создания федеративного (конфедеративного) германского государства в 1849–1850 гг. отчетливо выявила, с одной стороны, примерное равенство сил сторонников «федеративной» централизации и сторонников сохранения суверенных союзных государств, с другой стороны, относительное равновесие между Пруссией и Австрией. В результате переговоров, состоявшихся между Австрией и Пруссией в конце ноября 1850 г. в Ольмюце, Пруссия подписала «Ольмюцкие пункты», предусматривавшие признание ею сейма Германского союза и согласие на созыв конференции германских государств для урегулирования вопроса об устройстве Союза.

Таким образом, в 50-х годах XIX в. для немецкой общественности стало вполне очевидным, что проблема объединения Германии и создания национального государства всецело зависит от того, кто — Пруссия или Австрия — станет лидером в германских делах. Актуальность и острота этой проблемы нарастали в связи с бурным развитием в немецких государствах капитализма, которому препятствовали государственная раздробленность и устаревшие политико-юридические

институты. Борьба между Пруссией и Австрией за лидерство в германских делах протекала с переменным успехом на протяжении 50-х годов XIX в.

Решительный поворот в прусской внешней и внутренней политике произошел осенью 1862 г. в связи с назначением О. Бисмарка министром-президентом и министром иностранных дел Пруссии. Сущность новой политики отразило прогрессивное на весь мир выступление Бисмарка 30 сентября 1862 г. на заседании бюджетной комиссии рейхстага: «...Не речами и постановлениями большинства решаются важные вопросы времени — в этом была крупная ошибка 1848 и 1849 годов, — а железом и кровью». Самым важным «вопросом времени», который подразумевал «железный канцлер», было объединение Германии. На пути к достижению этой цели Пруссии пришлось столкнуться с Австрией и с противодействием сепаратистки настроенных южногерманских государств. В результате упорной борьбы Бисмарку удалось решить поставленную задачу. Политика «железа и крови» увенчалась реализацией «малогерманского» плана объединения Германии, примечательной особенностью которого была федерализация страны «по-бисмарковски», то есть при гегемонии Пруссии.

Литература

1. Чичерин Г.В. Статьи и речи / Г.В. Чичерин. М., 1961.
2. Кареев Н.И. Общий курс истории XIX века / Н.И. Кареев. СПб., 1910.
3. Deutsche Bundesakte vom 8. Juni 1815 // Deutsche Verfassungen. Dokumente zu Vergangenheit und Gegenwart. Hrsg. von H.-J. Blanke. Paderborn, 2003.
4. Кастель Р.Р. Федерализм и становление буржуазного государства в Германии (1815–1860-е годы) / Р.Р. Кастель // Изв. вузов. Правоведение. СПб., 1992. № 4.
5. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8. М., 1956.
6. Deuerlein E. Föderalismus. Die historischen und philosophischen Grundlagen des föderativen Prinzips. Bonn, 1972.
7. Блосс В. Германская революция. История движений 1848–1849 гг. в Германии. М., 1922.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Программы радикально-демократической партии во Франкфурте и Франкфуртской левой // К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. 5.

Исламские институты в налоговой политике Российской империи в Средней Азии (вторая половина XIX — начало XX в.)*

*Почекаев Роман Юлианович,
заведующий кафедрой теории и истории права и государства
Санкт-Петербургского филиала НИУ «Высшая школа экономики»,
кандидат юридических наук, доцент
ropot@mail.ru*

В статье прослеживается изменение отношения властей к мусульманским налогам в среднеазиатских владениях Российской империи. Поначалу администрация Туркестанского края сохранила основные налоги, предусмотренные шариатом, — зякет и харадж, однако по мере укрепления российского влияния в регионе эти налоги были вытеснены из налоговой системы края, которая была приведена в соответствие с общеимперской. Также Россия до некоторой степени влияла на судьбу этих налогов в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, находившихся под протекторатом Российской империи.

Ключевые слова: налоговая политика, шариат, Российская империя, Туркестанский край, Бухарский эмират, Хивинское ханство.

Islamic Institutions in the Russian Empire Tax Policy in the Central Asia (from the Second Half of the XIX Century to the Early XX Century)

*Pochekaev Roman Yu.,
Head of the State and Law and History Theory Department at the St.-Petersburg Branch
of National Research University Higher School of Economics,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

Article devoted to evolution of authorities' position on Islamic taxes in the Russian imperial Central Asia. At first authorities of Turkestan saved basic Shariat taxes — zyaket and kharadj, but after strengthening of Russian positions in the region they forced out these taxes and brought the taxation system of Turkestan into accord with imperial one. Besides that, the Russian Empire to certain extent influenced on using of the same taxes in Bukharan Emirate and Khivan Khanate which were Russian protectorates.

Key words: taxation policy, Shariat, Russian Empire, Turkestan Region, Bukharan Emirate, Khivan Khanate.

Присоединение к Российской империи обширных среднеазиатских владений, на основе которых в 1867 г. был образован Туркестанский край, повлекло необходимость их интеграции в имперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. Для этого понадобилось создать соответствующую правовую базу, которая позволила бы

постепенно повысить уровень развития этих территорий, обеспечить их сближение с другими регионами Российской империи. Однако вновь вошедший в состав России регион являлся преимущественно мусульманским, и жители Туркестана нередко с большим трудом отказывались от традиционных исламских институтов, имевших многовековые традиции. Российским властям приходилось находить точки соприкосновения с влиятельным мусульманским духовенством и населением Туркестана в целом и идти на определенные компромиссы при осуществлении преобразований. Одним из проявлений подобного компромисса стала форма системы налогообложения.

В рамках настоящего исследования предпринимается попытка проследить эволюцию отношения к мусульманским налогам в Тур-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-03-00322. Статья представляет собой расширенную и доработанную версию доклада, представленного на Ежегодной научной сессии ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения» (Санкт-Петербург, 1–3 декабря 2014 г.), текст доклада ранее не публиковался.

кестане в период его пребывания под властью Российской империи, а также проанализировать позицию российских властей в отношении тех же налогов, взимавшихся в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, ставших в 1870-е гг. российскими протекторатами.

Налоговая система в государствах и регионах Средней Азии накануне российского завоевания была весьма сложной и запутанной. Она включала в себя как традиционные для мусульманского мира налоги, предусмотренные шариатом (зякет, харадж, ушр, садака)¹, так и устанавливаемые по воле монархов, которые формально шариату противоречили (танапный сбор, накд, аминана, салгут, даяк и пр.)². Практически все налоги, введенные ханскими властями, были сразу отменены после присоединения Туркестана к России. Однако, стремясь сразу же наладить положительные отношения с местным мусульманским населением, администрация Туркестана поначалу сочла целесообразным сохранить основные мусульманские налоги — зякет и харадж.

Зякет в мусульманской правовой доктрине представлял собой ежегодный сбор в пользу мусульманской общины, которым облагалось имущество сверх определенного количества³. Платили его и с торговой прибы-

ли, денег, драгоценных металлов, поэтому он в какой-то мере являлся и торговым налогом, составлявшим 1/40 часть от стоимости товаров. Именно в таком качестве зякет сохранился и на начальном этапе российского правления в Туркестане. Согласно § 296 «Проекта Положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» (несмотря на статус «проекта», фактически действовавшего в Туркестане вплоть до принятия «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г.)⁴ местные торговцы должны были уплачивать зякет «в прежнем размере, т. е. 2,5 % в год с торгового капитала». Уплатившему зякет торговцу выдавалась квитанция, фактически заменявшая свидетельство на право торговли (§ 305 «Проекта»).

Думается, сохранение зякета российской администрацией в Туркестане объяснялось не только желанием получить поддержку со стороны местного населения, но и стремлением развивать торговые связи с мусульманскими странами. Согласно § 314 «Проекта» «иностранцы купцы, привозящие товары для торговли собственно в Сыр-Дарьинской области, обязаны, как и туземные торговцы означенной области, платить зякет, т. е. сорочковую часть ценности привозимого ими товара». Это также автоматически заменяло получение ими торгового свидетельства, как-то они были обязаны оформлять в других азиатских регионах Российской империи (§ 318 «Проекта»). Кстати, согласно свидетельствам иностранцев, побывавших во второй половине XIX в. в Бухарском эмирате, аналогичный сбор с иностранных торговцев действовал и там: существовало несколько своеобразных таможенных постов, на которых бухарские чиновники взыскивали зякет со всех ввозимых в эмират товаров⁵. Эти сообщения подтверждают предположение о том, что российские власти стремились, по крайней мере на раннем этапе владычества в Туркестане, сохранять мусульманские традиции с целью укрепления и дальнейшего развития своего положения в регионе и торгово-эконо-

¹ См.: Лунев Ю.Ф. Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. М., 2004. С. 92; Его же. Шариат как источник права узбекских ханств // История государства и права. 2009. № 4. С. 34–36.

² См. подробнее: Семенов А.А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства // Труды Средне-Азиатского Государственного Университета. Серия II. Orientalia. Выпуск 1. Ташкент, 1929; Иванов П.П. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии. Л., 1940. Следует отметить, что налоговая система, в рамках которой сосуществовали мусульманские налоги и формально противоречившие им сборы, вводимые по воле правителей, была весьма характерна для тюрко-монгольских государств — от Османской империи до Восточного Туркестана.

³ Бурхануддин Маргинани. Хидоя. Комментарии мусульманского права. Ч. 1. Т. I–II. М., 2008. С. 80–81; Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М.: СПб., 2007. С. 244–252. О направлениях мусульманской благотворительной деятельности см. также: Сафина Г.Ф. О мусульманской благотворительно-

сти в дореволюционный период Российского государства // История государства и права. 2014. № 12. С. 36–41.

⁴ Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. № 117. Т. I. С. 282–316.

⁵ См., напр.: Lansdell H. Russian Central Asia, Vol. II. New York, 1875. P. 187; Messurier A. le. From London to Bokhara and ride through Persia. London, 1889. P. 178.

мических связей с соседними иностранными государствами.

В свою очередь, харадж в мусульманском праве представлял собой поземельный налог, первоначально взимаемый лишь с покоренного немусульманского населения, но затем распространенный и на мусульман. Размер хараджа зависел от количества и качества земли, находившейся в собственности налогоплательщика⁶. Взимание этого налога также не противоречило в принципе налоговой системе Российской империи, также предусматривавшей поземельные сборы. В связи с этим в соответствии с § 279–280 «Проекта» харадж взимался «с произведений земли, облагавшихся прежде этим сбором ... в размере 1/10 урожая». Фактически харадж стал аналогом соответствующего сбора, взимавшегося и в европейских регионах России.

Таким образом, для населения, сменившего бухарское или хивинское подданство на российское, условия уплаты зякета и хараджа практически не изменились: сохранилась и процентная ставка этих налогов, и облагаемая база, и даже тот факт, что собирали налоги специальные чиновники, назначаемые властями.

Однако уже некоторое время спустя первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман счел, что своими уступками в пользу мусульманских правовых традиций уже сумел обеспечить лояльность и поддержку местного населения (включая и мусульманское духовенство) российскими властям. В связи с этим он приступил к следующему этапу интеграции Туркестана в имперское политико-правовое пространство, которое связывал с окончательным вытеснением мусульманских административных и правовых традиций российскими государственными и правовыми институтами в рамках политики, получившей название «игнорирование ислама». Она сводилась к тому, что мусульманские принципы, институты, правовые нормы, не подвергаясь официальному запрету, игнорировались российскими властями и не учитывались при выстраивании правоотношений⁷. Соответственно, Кауфман уже в 1875 г. по согласованию с Министерством финансов ввел в Туркестане действующее в России общее по-

ложение о пошлинах, согласно которому вместо зякета с торговцев стали взиматься те же сборы, которые действовали на всей остальной территории Российской империи⁸. Примечательно, что свои действия генерал-губернатор обосновывал не стремлением привести туркестанское законодательство и налоговую систему в соответствие с общеимперским, а чисто прагматическими причинами. По его словам, для эффективного взимания зякета необходимо было создать в ряде населенных пунктов Туркестанского края соответствующие конторы, организовать склады, на которых производились бы осмотр и оценка товаров и т. д. Таким образом, административные расходы перевешивали ту выгоду, которую давал России сбор зякета⁹. Аналогичным образом Кауфман обосновывал и отмену хараджа, замену его общеимперским поземельным налогом. Характеризуя взимание этого налога как «теоретически верный прием», генерал-губернатор доказывал, что эффективность налога снижается за счет многочисленных злоупотреблений, сокрытия налогоплательщиками части урожая и т. д. Кроме того, он утверждал, что для местных жителей само слово «харадж» ассоциировалось с многочисленными несправедливыми поборами со стороны бухарских или хивинских властей, в результате которых им приходилось расставаться не менее чем с половиной урожая. Соответственно, замена хараджа общеимперским поземельным налогом свидетельствовала об облегчении налогового бремени при российских властях¹⁰.

Налоговая политика Кауфмана была продолжена его преемниками. Согласно п. 285 «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г.¹¹ был отменен харадж (равно как и танапный сбор), вместо него официально был введен государственный поземельный налог. А в соответствии с п. 322 того же «Положения» (со ссылкой на Устав о земских повинностях) предусматривалась обязательная выдача торговых свидетельств, патентов и билетов, что фактически означало отмену

⁶ Абу Йусуф Йакуб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-харадж (Мусульманское налогообложение). СПб., 2001. С. 45–47; Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. С. 253–254.

⁷ Россия — Средняя Азия. Политика и ислам в конце XVIII — начале XX в. М., 2011. Т. 1. С. 126.

⁸ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб., 1885. С. 409. См. также: Нива. 1874. № 35. С. 560.

⁹ Проект всеподданнейшего отчета... С. 406–408.

¹⁰ Там же. С. 399, 404.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1888. № 3814. Т. VI. С. 320–346.

закета, квитанции об уплате которого, как отмечалось выше, приравнивались к этим документам.

Преобразования в налоговой системе Туркестана также затронули Бухарский эмират и Хивинское ханство, о налоговой системе которых отрицательно отзывались как К.П. фон Кауфман¹², так и имперские администраторы начала XX в.¹³ Соответственно, российские власти в рамках разработки общих предложений по дальнейшей интеграции обоих ханств в состав Российской империи (вплоть до полного их присоединения) неоднократно поднимали вопрос о целесообразности налоговой реформы в Бухаре и Хиве. При обсуждении будущих преобразований в Бухаре наибольшую критику представителей имперских властей вызывал именно харадж как налог, допускающий «возможность по своему существу самых широких злоупотреблений и произвола со стороны сборщиков»¹⁴.

Однако, несмотря на фактический протекторат Российской империи, Бухара и Хива юридически оставались самостоятельными государствами. Поэтому, преследуя цель сближения Бухарского эмирата и Хивинского ханства с Российской империей по уровню развития государственных институтов, правовых систем, экономических отношений, имперским властям приходилось в большей степени опираться на дипломатические средства.

Например, в Хивинском ханстве российские власти начали с введения изъятий из обложения основными мусульманскими налогами. Сначала они отстаивали право российских торговцев не платить зякет при торговле в Хиве¹⁵. Затем освобождение от уплаты зякета было распространено и на тех хивинских торговцев, которые совершали сделки с русскими¹⁶. Таким образом, имперской администрации удалось убедить хивинские власти если не отменить один из основных мусульманских налогов, то, по крайней мере, предоставить налоговые льготы представителям определен-

ных категорий населения — как российского, так и местного. Интересно отметить, что, демонстрируя скрупулезное следование достигнутым договоренностям, российские власти сами указывали хивинским властям, что претендовать на освобождение от зякета имеют право только те русские купцы, которые располагают соответствующими торговыми документами — с неимевших таковых хивинские власти имели право требовать уплаты этого налога в полном размере¹⁷.

Дипломатические действия, впрочем, не всегда приводили к отмене мусульманских налогов. Так, бухарские эмиры, несмотря на явные намеки (а порой — и прямые распоряжения) властей Туркестана или политических агентов, не шли на отмену основных налогов, предусмотренных шариатом. Даже последний эмир Сейид Алим-хан, намеревавшийся провести в Бухаре реформы, в своем указе по поводу вступления на трон всего лишь пообещал «облегчить» харадж¹⁸, а в манифесте, изданном в марте 1917 г. (т. е. уже после Февральской революции в России), — «справедливо» взимать харадж, зякет и остальные налоги¹⁹. Таким образом, российским властям не удалось победить мусульманские правовые традиции, поскольку сам бухарский эмир, несмотря на свое «западничество», не рисковал идти на конфликт с мусульманским духовенством и консервативными политическими кругами Бухары.

Что же касается Хивы, то в ней ситуация с налогообложением стала развиваться даже в еще менее выгодном для России направлении. В 1895 г. хан, идя навстречу пожеланиям местных деловых кругов, напротив, решил обложить зякетом и русско-подданных предпринимателей, и торговцев, ведущих дела в ханстве; примечательно, что он обосновал такое решение условиями Мирного договора 1873 г., согласно п. 9 которого от зякета освобождались не все русско-подданные, а именно *русские купцы*²⁰. Впрочем, в дальнейшем российские пограничные власти сумели добиться частичной отмены зякета для русско-подданных, в т. ч. и нерусского происхождения (например, если торговля осуществлялась товарами собственного производства и прямо с

¹² Проект всеподданнейшего отчета... С. 399–400.

¹³ См., напр.: Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. Т. II. С. 33–35.

¹⁴ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее — ЦГА РУз). Ф. И-1. Оп. 31. Д. 723/16; Д. 723/60.

¹⁵ Гандемианский договор между Российской империей и Хивинским ханством // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. № 19. С. 132.

¹⁶ ЦГА РУз. Ф. И-125. Оп. 1. Д. 8/15.

¹⁷ ЦГА РУз. Ф. И-125. Оп. 1. Д. 159/8.

¹⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 715/49, № 878, сокр. 12/IX/94 г., копия.

¹⁹ Шестаков А. Бухара в 1917 году // Красный архив. 1927. № 1 (20). С. 82.

²⁰ Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI — начале XX в. СПб., 2010. С. 231–233.

транспортных средств, а не со стационарных лавок, складов и пр.)²¹.

Как видим, если в Бухаре причиной сохранения мусульманских налогов являлись консерватизм властей и высокий уровень религиозности населения, то в Хиве налоговая политика диктовалась вполне прагматическими интересами местных производителей и торговцев (представителей «зарождающейся буржуазии», как характеризовали эту прослойку в свое время советские исследователи). Впрочем, даже этот факт свидетельствует о том, что Хивинское ханство испытало влияние России в различных сферах общественных отношений и в большой степени оказалось интегрированным в систему имперских ценностей, принципов и норм.

Противоречивый статус Бухары и Хивы как юридически независимых государств, с одной стороны, и российских протекторатов — с другой, находил отражение и в налоговой сфере — в тех случаях, когда Российская империя сотрудничала с этими государствами официально. Так, в 1895 г. Бухарский эмир и Хивинское ханство вошли в российскую таможенную черту, в результате чего таможенные пошлины между Россией, Бухарой и Хивой были упразднены, а с иностранных товаров, ввозимых на территорию ханств, взимались пошлины в размере, установленном в Российской империи и имперскими же таможенниками. Тем не менее в Бухаре и Хиве в качестве основного торгового налога был сохранен именно зякет. По итогам совещания в Министерстве финансов это решение было обосновано следующим образом: «Сбор зякета мог бы быть оставлен в ханствах на прежних основаниях, ибо зякет, как торговая пошлина, заменяет там все виды обложений торговли в других государствах»²². Как видим, российские имперские власти вновь использовали компромисс, чтобы не вызвать чрезмерной обеспокоенности правящих кругов Бухары и Хивы слишком радикальными изменениями в сфере налогообложения и таможенного дела и отменой сразу всех традиционных правовых институтов, имеющих в этих государствах многовековые традиции.

Время от времени российским властям удавалось использовать в интересах модернизации правовой (и налоговой, в частности) системы среднеазиатских ханств тот факт, что жители Туркестана и среднеазиатских

ханств были либо родственны друг другу, либо же сходны по образу жизни, социально-экономическому строю и т. п. Так, например, в 1903 г. туркменское племя йомуд, находившееся в подданстве Хивинского ханства (уже около трех десятилетий имевшего статус российского протектората), потребовало замены традиционных налогов закята и даяка «общей кибиточной податью» — такой, которую выплачивали российско-подданные казахи, и российская пограничная администрация дала соответствующие «рекомендации» (а фактически — указания) хивинскому хану²³.

В целом, можно отметить, что российские власти, несмотря на религиозную специфику среднеазиатских владений и протекторатов империи, все же достаточно эффективно проводили преобразования, обеспечивая процесс фронтальной модернизации, т. е. сближая свои пограничные территории по уровню развития с другими регионами страны. Для этого ими использовался весьма широкий спектр методов — прямое административное и правовое воздействие, и компромисс с местными элитами, и дипломатические методы, и «наглядные примеры» населения одних регионов по сравнению с другими.

Литература

1. Абу Йусуф Йакуб б. Ибрахим ал-Куфи. *Китаб ал-харадж* (Мусульманское налогообложение) / пер. с араб. А.Э. Шмидта, подгот. изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина. СПб., 2001.
2. Бурхануддин Маргинани. *Хидоя. Комментарии мусульманского права* : в 2 ч. / пер. с англ. под ред. Н.И. Гродекова; отв. ред., пред., вступ. ст. и науч. комм. А.Х. Саидова. М., 2008. Ч. 1. Т. I–II.
3. Гандеманский договор между Российской империей и Хивинским ханством // *Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917*. М., 1952. № 19. С. 129–134.
4. Иванов П.П. *Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии* / П.П. Иванов. А., 1940.
5. Керимов Г.М. *Шариат : закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности* / Г.М. Керимов. М. — СПб., 2007.
6. Логофет Д.Н. *Бухарское ханство под русским протекторатом* / Д.Н. Логофет. СПб., 1911. Т. II.
7. Лунев Ю.Ф. *Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века* / Ю.Ф. Лунев. М., 2004. С. 92.

²¹ См., напр.: ЦГА РУз. Ф. И-125. Оп. 1. Д. 138/2.

²² Цит. по: Садыков А.С. *Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX в.* Ташкент, 1965. С. 98.

²³ ЦГА РУз. Ф. И-125. Оп. 1. Д. 149/6 об.

8. Лунев Ю.Ф. Шариат как источник права узбекских ханств / Ю.Ф. Лунев // История государства и права. 2009. № 4. С. 34–36.
9. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. I.
10. Нива. 1874. № 35.
11. Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI — начале XX в. / М. Ниязатов. СПб., 2010.
12. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1888. Собрание третье. Т.VI.
13. Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб., 1885.
14. Россия — Средняя Азия. М., 2011. Т. 1 : Политика и ислам в конце XVIII — начале XX в.
15. Садыков А.С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX в. / А.С. Садыков. Ташкент, 1965.
16. Сафина Г.Ф. О мусульманской благотворительности в дореволюционный период Российского государства / Г.Ф. Сафина // История государства и права. 2014. № 12. С. 36–41.
17. Семенов А.А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства / А.А. Семенов // Труды Средне-Азиатского Государственного Университета. Серия II. Orientalia. Выпуск 1. Ташкент, 1929.
18. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-1 (канцелярия туркестанского генерал-губернатора). Электронная версия с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel). URL : zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de
19. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-125 (канцелярия хивинского хана). Электронная версия с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel). URL : zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de
20. Шестаков А. Бухара в 1917 году / А. Шестаков // Красный архив. 1927. № 1 (20). С. 78–122.
21. Lansdell H. Russian Central Asia, Vol. II. New York, 1875.
22. Messurier A. le. From London to Bokhara and ride through Persia. London, 1889.

Ощущение границы и «пустое пространство»

*Исаев Игорь Андреевич,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

Статья посвящена важнейшей теме о соотношении закона и территории, одной из важнейших частей государства. Геополитические моменты проблемы связывают правовую идею и пространства, как населенные, так и не населенные. Возникают проблема «пустых пространств» и теория «больших пространств» — концепции, имевшие важные политические последствия в истории. Особый правовой статус принадлежит «морю» как специфическому пространству земли.

Ключевые слова: закон, геополитика, правоприменение, правосознание, легальность, легитимность, диктатура, граница, нация, власть, собственность, население.

Sense of Border and “Empty Space”

*Isaev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the State and Law History Department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor*

This article is devoted to the major topic of interrelation of the law and territory, one of the major parts of the state. The geopolitical moments of this issue connect the legal idea and spaces, both occupied and non-occupied. There is an issue of “empty spaces” and “big spaces” theory, both concepts having important political consequences in the history. The “sea” as a specific space of Earth has a special legal status.

Key words: law, geopolitics, law enforcement, sense of justice, legality, legitimacy, dictatorship, border, nation, authority, ownership, population.

Конкретное пространство не терпит пустоты. Оно уже не пустая форма, предназначенная для заполнения, — само содержание пространства порождает форму.

Населенные и «пассивные» пространства могут быть включены в пределы государственной территории только в качестве потенциально возможной сферы действия государственного правопорядка. Господство государства над территорией поэтому имеет публично-правовой характер: не *dominium* (когда из вечногo права на территорию выводилось и частное право «государя-вотчинника» на население этой территории, а сама государственная территория представлялась частной собственностью), а *imperium*, т. е. власть повелевать: право на территорию прямо проистекало из этой власти повелевать.

У Ф. Ратцеля был известный афоризм: «Государство есть кусок человечества и кусок организованной земли». В условиях XIX века формально-юридические границы суверенных государств с точки зрения «империалистических» держав уже не исчерпывали полностью реальной картины и качеств

международных отношений и внутреннегo государственного бытия: «Под псевдонимом „суверенных государств“ ныне нередко живут национальные организмы, по существу представляющие собой обыкновенные „сферы влияния“ той или другой великой империалистической державы, ориентирующейся либо на океан-море, либо на континент-океан»¹, сильное напряжение возникало между наполненной жизнью землей и землей незаселенной, эйкуменой и анэйкуменой.

О. Шпенглер считал империализм «цивилизацией в чистом виде». Экспансирующая тенденция есть нечто роковое, демоническое и чудовищное. «Как ни восстает современный, еще мало развившийся социализм против экспансии, настанет день, когда он с необоримостью рока станет главным ее носителем». Здесь язык форм политики соприкасается с глубокой метафизической проблемой, с фактом, что «дух есть дополнение протяженности». Геополитика станет

¹ Успрыалов Н. Структура государства // Классика геополитики. Т. 2. С. 617.

соединением идеи и пространства. Опирающееся на идею стремление к власти превращается в чисто империалистическое, лишённое этических оснований, безграничную политику экспансии².

Сила (принуждение) действительна по своей природе, и это является главной и трагической причиной агрессии. Стандартная логика диктовала: каждый, кто имеет в своём распоряжении значительные силы принуждения, старается обезопасить определённый ареал плюс укрепленную буферную зону. Агрессивные правители (типа Людовика XIV) сокращали буферный район до узкой полоски границы, в то время как буферные зоны их более слабых или более мирных соседей были широкими. В случае удачи такая зона становилась безопасной, что побуждало носителя принуждения стремиться присоединить новую буферную зону, прилегающую к старой³.

Незаселённые территории играли важную геополитическую роль для примыкающих к ним государств: «Кто утрачивает обеспеченную защиту в незаселённых местах, тот для удержания необходимого жизненного пространства должен прибегать к неизмеримо большему и длительному напряжению сил» (К. Хаусхофер). Наличие «серых зон», как промежуточных пространств, весьма благоприятно для их соседей, это — «санитарный кордон», препятствующий проникновению на государственную территорию всяческих неблагоприятных влияний, гарантирующий от непосредственного вторжения и дающий время и возможность для подготовки к их отражению. Кто не может «хотя бы единожды создать и поддерживать собственное государство по образу водонепроницаемой системы», будет ли он способен участвовать в играх и системах союзов и структур, охватывающих крупные пространства, или в присоединении сопредельных пространств? (К. Хаусхофер).

Соглашение европейских государств остаётся в силе, пока есть принуждение, которое вызвало их к жизни. Все решает сила, приводящая к определённым последствиям. Крупные государства поглощают мелкие, государство-монстр поглощает крупные государства, затем разлетается на части, поскольку ему недостаёт сдерживающего роста пояса — враждебных соседей. «Расщепление

на атомарные государственные образования — вот какая перспектива ждёт европейскую политику в будущем» (Ницше).

Граница как переход между государствами есть поэтому не просто геометрическая линия, но целая сложная «организация, охватывающая политическую, хозяйственную и культурную жизненную возможность». Любая «полезная и стабильная граница», по выражению К. Хаусхофера, не только политическая граница, но и граница других многих жизненных явлений: она сама по себе становится ещё одной наряду с другими жизненной формой, располагающей своим ландшафтом и условиями существования. Линейность границы, представляемая преимущественно юридическим мышлением, на практике всегда корректируется самой природой и жизнью в их вечно меняющихся и непрерывно перемещающихся в пространстве формах. Правовой идеал и буква закона стремятся превратить границу в математическую и бестелесную черту, которую можно раз и навсегда определить и описать. Однако этого так никогда и не происходит в действительности. (Слабость Лиги Наций с точки зрения пространственного политического мышления заключалась в её явно выраженном ограниченно юридическом восприятии действительности.)

Границы государства — не статические формы, а силовые линии, где скрещиваются и уравниваются внутреннее и внешнее давление. Равновесие постоянно нарушается, и тогда происходят расширение, сжатие и гибель государства. История может рассматриваться как смена процессов интеграции и дезинтеграции⁴.

Реальная дискретность граничной зоны проявляется в рассыпанной системе экстерриториальных объектов и анклавов, вкрапленных в чужую территорию: этим как бы подтверждается представление о границе, как об умозрачной и только условной линии, проходящей через земное, морское и воздушное пространство. Но сама идея о привязанности этих участков к некоей «базовой земле» и «почве» все же остаётся неизблемой и в XVIII и в XIX веках.

В истории возникновения и реорганизации границ прослеживается заметное отклонение от принципов чистого произвола, а также склонность к возврату, к восстановлению «естественных», покровительствуемых самой природой пограничных форм. В рим-

² Шпенглер О. Философия будущего. СПб., 1922. С. 152–153.

³ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. М., 2009. С. 114–115.

⁴ Федотов Г. Судьба империй // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 304.

ском пантеоне богов боги границы и межвых знаков занимали почетное место (Янус, Термин, Лиментин, Кардея), и в этом сказывались характерные римская публичность и дисциплина. Взаимодействие «почвы» (территории) и осознанных человеком обычаев и нравов, формировало правовые установки с представлением о готовности к самоопределению⁵. (Граница между родиной и чужбиной пролегла в апологической культуре между двумя городами, в магической — всякий раз между двумя вероисповеданными общинами, подчеркивал Освальд Шпенглер.)

Граница одновременно должна быть «разделяющей и проходимой» (К. Хаусхофер). Ф. Ратцель отмечал, что сущность государственных образований у древних народов составляла именно неопределенность границ, которые намеренно не проводились в виде линии, а поддерживались открытыми в виде некоего свободного пространства изменчивой ширины. Неточность границ оставалась их свойством достаточно долго: «Не все государство связано с площадью земли, какую оно покрывает, и в особенности с ее периферическими частями: вполне определено только политическое средоточие, самое существенное во всем образовании. Именно из него власть, сдерживающая государство, и направляет свою силу в большей или меньшей степени в периферические полосы».

Четкие же границы стали появляться прежде всего там, где встречались противоположные культуры земледельцев и кочевников. Для степняков устанавливались резкие пределы, которые искусственно усиливались посредством валов и стен, поэтому в качестве образа номоса издавна выступала символическая стена, так как сама ее форма основывалась на акте сакральной локализации⁶: ограда, предел порождает пространство священного, как бы изымая его из сферы обыденного и подчиняя его собственному закону: «Право и мир изначально основываются на ограждении, выступающем в своем пространственном смысле» (К. Шмитт).

В русской истории феномен «дикой степи», огромной территории на границах Московского национального государства, остается примером такой границы — про-

странства, которому дается уже этически окрашенное определение: «дикая» означала ничейная и очень опасная. (Ассоциированное со степью, это определение подсказало евразийцам идею о противостоянии «степи» и «леса», т. е. неосвоенной и освоенной территорий.) При этом экуменическое государственное пространство присутствовало только с одной стороны аморфной и неустойчивой граничной полосы, укрепленной засеками и фортами. Поведение другой стороны презюмировалось как агрессивное и непредсказуемое.

Однако и ситуация «монгольского ига» демонстрирует не менее размытую картину взаимоотношений двух властных государственных (в Орде уже прослеживаются все основные черты государственности) образований. Вассальные или даннические отношения, т. е. политика принуждения и связанное с нею насилие, как бы размывают границы между властвующими и подвластными, будучи оформленными известными юридическими соглашениями (иначе это было бы голое насилие), устанавливая нормами и порядок взимания (дани и рекрутов). Дуализм властей (ордынцы и русские князья) осуществлял свою деятельность на одних и тех же территориях, в одном и том же пространстве, в отношении одних и тех же субъектов и объектов. Размеры этого промежуточного пространства могли достигать значительной доли для обоих территориально-государственных образований

Противостояние «леса» и «степи» в европейских геополитических аналогах выражалось в дилемме «земля — море». Россия же, отрезанная от океанического пространства, позиционировала себя как настоящая «континент-океан», Европа вполне реально, а не гипотетически связывала свое существование с реальным океаническим хозяйством, энергетически дополняющим ее сухопутное пространство и ее экономику.

Проведение границ — высокое искусство, в древности считавшееся «делом богов», «облеченное разнообразными народными преданиями и эзотерическими государственными философиями в блеск мистерий» (К. Хаусхофер). Чувство границы с самого начала отвергало представление об одностороннем юридическом и историческом ретроспективном видении границы с безоглядным поиском ее линейности: «Границы, которые разделяют как данное Землей в своем влиянии на власти, культурные, правовые жизненные формы, границы, которые при видовых и расовых различиях... даже в

⁵ Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // О геополитике. М., 2001. С. 17, 38.

⁶ Ратцель Ф. Народоведение // Классика геополитики: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 179.

переходные ландшафты переносятся из жизни на карты», не могут быть объяснены по своему месторождению как разделительные зоны, как искусственные географические разграничения, ставящие культурно-морфологические, но не формально картографические разрешения проблем.

Даже у границ, внешне кажущихся традиционными и устойчивыми, есть свои крупные формы, выражающие именно процесс разграничений и играющие «взаимопроникающую роль», в чем собственно и заключается характер локализации. Легислативное, законодательное, историческое или «биографическое» определение внутренней границы вплоть до самых незначительных политических пространств, прежде всего, должно гарантировать порядок. Государственная структура, обладающая превосходством — «прочной ячейкой жизненной формы», — в противовес неустойчивой и «федералистски расслабленной или сверхцентрализованной и окостеневшей системе» (К. Хаусхофер) способна и должна выдерживать давление любых обстоятельств. Тогда это и будет тип укрепленной и равновесной границы.

В исторической ретроспективе всегда заметным было влияние обширных морских пространств на формирование специфически имперского мышления, а их подвластность этому типу мышления выражалась в оттеснении античного эллинского представления об океане и его замене понятием «мирового моря» как некоей «совокупности океанов» в качестве главной арены власти и носителя международного общения⁷.

Еще средневековые географические карты изображали океан в качестве гигантского разделительного пространства, а духовный центр христианского мира — в качестве центрального пункта и города Земли. Водная стихия в силу своей недоступности и непреодолимости казалась идеальной границей, отделяющей и защищающей истинный мир от окружающего его хаоса. В восточном предании сама Земля держится на мировом океане, а в более поздних политических утопиях идеальные государства повсеместно располагались на изолированных островах.

Альфред Т. Мехен подчеркивал: с социальной и политической точек зрения море представляется великим путем или «обширной равниной, через которую можно про-

ходить по всем направлениям». Это всегда открытое пространство, на котором происходит состязание между нациями, стремящимися обеспечить за собой в общем-то несоразмерную долю контроля: для этого используются мирные законодательные или запретительные меры или же прямое насилие. Морское пространство стремятся превратить в продолжение государственной территории⁸. Завоевание моря и заморских территорий превратилось в мощный политический фактор, а исторический раздел морских территорий между европейскими державами (Испанией, Португалией, а затем Англией и Францией) повлек за собой как внутрисударственные, так и глобальные межконфессиональные конфликты между всемирным католицизмом и всемирным протестантизмом; Реформация, Контрреформация и Тридцатилетняя война стали событиями, инспирированными в своих истоках именно борьбой за море. Религиозные войны и теологические лозунги и программы этой эпохи соединяли в своем существовании метафизическое столкновение разных стихийных сил, в конечном счете повлиявших на перенос всемирно-исторической экзистенции с земли на море⁹.

Тип «морского» или «степного» мышления, как правило, является импульсом к дальнейшему расширению территории и формированию пространства с явным имперским характером: исторический опыт отсылает в этой связи к финикийцам, критянам, эллинам и Венеции. «Сухопутный океан» успешно осваивали гунны и монголы. Сила превосходящей власти такой идеи доказывается уже тем, что духовное движение за преодоление пространства было налицо еще до того, как появилась реальная возможность осуществить его на практике. Только во временной протяженности геополитический фактор начинает доминировать над бурным желанием и «сводит средний уровень к средней норме, ибо крайности не преодолевают вид, породу, расу» (Челен)¹⁰.

Море, не являясь государственной территорией, издавна было пространством человеческой активности и господства. Морские державы древности (Афины, Карфаген)

⁸ Мехен А.Г. Влияние морской силы на историю // Классика геополитики. XIX в. М.; СПб., 2002. С. 184.

⁹ Шмитт К. Земля и море // Номос земли. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 623–624.

¹⁰ Цит.: Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // О геополитике. М.: Мысль, 2001. С. 294.

⁷ Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // О геополитике. М., 2001. С. 68, 120.

тогда уже считали море пространством, подчиненным их господству. Позднее и Венеция, «обрученная с морем», устанавливает свою власть над морским пространством Адриатики и Восточного Средиземноморья. Империи, связанные с фактором водного пространства, зарождавшиеся некогда в речных поймах Ближнего Востока и Двуречья (египетская, ассирийская, вавилонская), постепенно уступали место талассическим культурам внутриматериковых морей (греческая и римская античность и средиземноморское Средневековье), а затем, с открытием Америки и началом кругосветных маршрутов, — европейской глобалистской экспансии.

С XVI века раздел морских пространств между государствами становится легализованным мероприятием: когда Испания и Португалия договаривались о пределах собственного господства в мировом океане, море стало бескрайней пограничной территорией. Слова британского гимна «правь Британия морями» станут пророческими на несколько столетий, а доктрина Монро превратит океаническое пространство в домашнее море для избранных держав. Установленные при помощи многочисленных актов правовые режимы прибрежной морской полосы будут только паллиативами и не изменят стратегического развития политики на море.

(Было замечено, что некоторые политические учреждения и правовые институты, прекрасно действующие в островных государствах в силу их изолированной замкнутости, для «проницаемых» государств оказываются неэффективными и даже вредными. Так, двухпартийная система англо-саксонского образца, сложившаяся в XVIII веке, не срабатывает в Центральной Европе, «особенно в мировоззренчески разобщенных пространственных организациях с шизофреническим (умственно расколотым) состоянием народной души»¹¹.)

Процессы пространственного расширения повлияли на изменение всех форм политической жизни: в Европе возникают централизованные органы управления, новый стиль политической и правовой жизни. В области естественно-правового мышления рождалось представление о бесконечном и «пустом» пространстве, неожиданно и заметным образом повлиявшее на все геополитические представления. И если морское

пространство невозможно было разделить (хотя бы в силу недостаточности технических средств), то его можно было учитывать как фактор политического влияния: казалось, что бесконечность все-таки можно было локализовать.

Конкретный порядок всегда предполагает размещение событий и институтов политической и правовой жизни, который был бы невозможен в «пустом» пространстве. Сам порядок этих содержаний уже представляет собой пространство, в котором он и размещается. Отказ от абстрактных мерок позволил соединить пространство с конкретным порядком, порождая тем самым органическое единство, — изменение содержания меняло характер пространства.

Карл Шмитт, говоря о «больших пространствах» как особом факторе политики, отмечал, что в них заметно «излучение империи, рейха» как организующего и определяющего начала: такие образования представляют собой особые и неделимые единицы пространственной организации. Империи, рейхи — это как раз такие мировые силы, которые существуют наряду и над государствами и которые «только по видимости являются таковыми, поскольку не могут удерживать свой суверенитет над территориями». Влияние империй распространяется на сферы, далеко выходящие за границы политического единства¹²: здесь действия и границы, т. е. учреждающая конкретная деятельность человека, получают зримое выражение и придают пространству его определенность.

Освоение морского пространства позволило представить законченную картину территории Земли и дать ее цельный геополитический образ. Парадоксальным образом беспредельность мирового океана и его безграничность способствовали уточнению и усилению пространственной локализации сухопутных территорий, артикулированию границ того, что уже было известно, занято и поделено: юридизация локусов, формализация континентальных и островных границ — таково неожиданное и благотворное следствие влияний беспредельного Океана.

Право сущностно связано с отношением к пространству и неотделимо от него. Право привязано к порядку, а порядок — к месту. Норма не висит в безвоздушном и пустом пространстве. Однако нормативизм по-прежнему пренебрегает пространством,

¹¹ Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.

¹² См.: Филиппов А.Ф. К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта. Социологическое обозрение. 2009. Том 8. № 2.

упорно исходя из универсальности и вневременности нормативного порядка и невзирая на очевидную действительность. Нормативистский образ может выражаться даже в «болезни пространства», он подчинен чуждому земле «упражняющему пространство и потому „безграничному универсализму англо-саксонского морского господства“». И только море остается свободным от диктата государственности и от единственно «истинного» представления о порядке пространств, связанного с господством правового мышления¹³.

Противостояние «или напряжение» между «землей» и «морем» было отмечено еще Библией: сухопутный Бегемот пытался разорвать клыками морского Левиафана, душившего его своими лапами-ластами. Политическая интерпретация перевела этот миф на язык геополитики, указывающей на непримиримое взаимоотношение сухопутных континентальных и морских «островных» держав: «Елизаветинский миф» стал мифом первой великой государственной силы, которая «опираясь на собственное островное бытие, как когда-то миносская Крета, свою судьбу полностью доверил владычеству на море» — Англия «сумела наделить себя морем в противовес земле, освободившись от ее духа тяжести», чего так и не получилось у Испании и что Венеция имела только в качестве некоего прообраза¹⁴: «поскольку у моря нет границ — морское владычество становится единственно постижимым» (Гегель).

¹³ Шмитт К. Порядок больших пространств... СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 571–572.

¹⁴ Каччари М. Геофилософия Европы. СПб., 2000. С. 67–68.

«Хартланд», континентальная сила становится объектом пристального внимания для «периферийных» атлантических морских держав, а отождествляемый с морем Левиафан — символом неприязни и оппозиции к государственности вообще (по легенде, взятой из Каббалы), а позже — аллегории блокады континентальных государств морскими державами. Современная история — это история завоевания Земли и история империализма, в которой противостояние «суши» и «моря» остается ключевым моментом.

Таласократия еще долго будет оставаться эффективной формой властвования. До тех пор, пока люди окончательно не освоят два новых пространства — воздушное и космическое. Только когда планета будет освоена полностью и окончательно, напряженность между «сушей» и «морем» достигнет своего апогея. Следует ли из этого, что обострение конфликта и противостояние способствуют процессу глобализации? На этот вопрос ответит уже ситуация нашего времени.

Литература

1. Каччари М. Геофилософия Европы / М. Каччари. СПб., 2000. С. 67–68.
2. Ратцель Ф. Народоведение / Ф. Ратцель // Классика геополитики: соч. в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 179.
3. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства / Ч. Тилли. М., 2009. С. 114–115.
4. Федотов Г. Судьба империй / Г. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 304.
5. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // О геополитике. М., 2001. С. 17, 38, 68, 120.

**ОФОРМИТЕ СЕЙЧАС ПОДПИСКУ НА 2016 ГОД,
чтобы быть в курсе изменений законодательства!**

Центр редакционной подписки
Издательской группы «Юрист»:
Телефон / факс
(495) 617-18-88 — многоканальный
8-800-333-28-04
(по России бесплатно)
e-mail: podpiska@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru